

Танец с одиночеством

Жанр произведения: Роман

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Глава 1

Один. Абсолютно один. Совершенно один. Только он и этот простор одиночества, что шагнул с ним в ногу беззвучно.

Сначала тишина казалась спокойной, даже уютной. Но потом она будто заговорила. Шептала что-то, смешивалась с мыслями, а в голове всё крутились одни и те же вопросы. Они день за днём, месяц за месяцем не давали покоя. Он сам себя запер в этом одиночестве, и с каждым днём вырваться становилось всё труднее. Раньше он мог бы списать это на лёгкое недомогание, что казалось усталостью, а теперь понял: это не тишина, а пустота — её ничем не заполнить.

Так размышлял Константин — молодой человек двадцати трёх лет, живший в одинокой творческой коммуналке на окраине Тимишоары, города, который порой называли маленькой Веной. Здесь пахло сыростью и едким дымом сигарет, а время будто застыло. Константин всё искал себя, пробовал то одно, то другое, но каждая попытка лишь путала, не давая обрести решимость. Не потому, что он был слаб, а потому, что варианты множились, заслоняя единственный верный путь.

В юности он был светлым, почти наивным, а теперь стал другим: темноволосым, ростом чуть выше ста восьмидесяти сантиметров. Его глаза то казались с серым оттенком, то вспыхивали зелёным отблеском, будто обещая: «Ещё столько предстоит увидеть». Но в них всё чаще мелькала тень сомнения. Он оставался таким, каким видел себя сам, — не таким, как хотели бы видеть другие.

Учился он вполне удовлетворительно. В начальной школе, до пятого класса, был хорошистом, но к выпуску скатился и окончил школу с тройками. Правда, надо отдать должное: литература и иностранный язык давались ему куда лучше остальных предметов. Он читал и говорил на них просто превосходно. Многие учителя, хваля его, не раз повторяли одну и ту же фразу: «Не хочешь сдавать литературу и английский?» Но потом всё переменилось — и перемены эти были к худшему. Все вокруг словно стало злым. Задиры глумились над ним и издевались — просто потому, что он был, без всякой ненависти или жалости, будто так и должно быть. Кто-то нарочно толкал его плечом, кто-то навешивал обидные прозвища, которые намертво к нему прилипали. Его оскорбляли, били, пинали, а он лишь молчал. Молчал, потому что знал: если ответит — станет только хуже. Если закричит — над ним будут смеяться ещё громче. Если

заплачет — это превратится в новую шутку, которая продержится целую неделю. Чаще всего издевательства случались по дороге домой. Были и другие, тихие моменты, ранившие ничуть не меньше. Например, когда в классе делились на группы для проекта, его всегда оставляли на самый конец. Или на переменах, когда все сбивались в кучки, он стоял в стороне и делал вид, будто разглядывает что-то на стене. На самом деле он просто не знал, куда деть руки и куда смотреть. Он никому не рассказывал о том, что происходит, — ни учителям, ни взрослым, ни даже самому себе вслух. Будто если не произнести этого, то всё не будет таким настоящим. И всё же он старался незаметно ускользнуть в одиночество, спрятаться где-нибудь среди всей этой тяжести. Так и тянулось его детство — негромкое и упрямое, сотканное из боли и маленьких, незаметных для других побед, о которых знал только он сам.

С детства его семью составляли чужие по крови, но близкие по судьбе люди: Лаура и бабушка Дойна. Лаура, усыновившая его, была старше всего на четырнадцать лет, и он привык называть её «другом». Она всегда мечтала кого-нибудь усыновить — не потому, что искала замену, а потому, что хотела подарить тепло тому, кто в нём нуждался. Её сердце, разбитое на тысячи осколков и порой залитое виски, всё равно находило силы заботиться о нём.

— Ты должен ложать, но понимать, — говорила она перед сном, укладывая его в кровать.

Она работала библиотекарем — в том самом месте, где пахло свежими книгами, куда Константин любил приходить и проводить часы, перечитывая десятки произведений. Лаура с детства прививала ему любовь к мировой литературе: каждый месяц покупала новые романы, они вместе читали — то сидя в тишине, то гуляя по парку. Через героев книг он учился чувствовать, сопереживать, понимать, как быстро бежит время. Но вместе с этим в нём крепло тревожное ощущение: будто он не знает, что делает в этом мире, где за деньги можно купить почти всё, кроме настоящих чувств.

Дойна, мать Лауры, была для него скорее тенью, чем бабушкой. Суровая, неприступная, она смотрела на него так, словно его и не существовало. Её строгий взгляд не внушал доверия, а в словах звучала лишь ворчливая опаска: мир для неё состоял из мошенников, и никакие перемены не могли этого изменить. Когда-то она растила Лауру в жёстких рамках, не позволяя делать самостоятельные шаги, а когда дочь выросла, просто исчезла из её жизни, оставив её одну. И теперь, глядя на Константина, Дойна будто повторяла ту же ошибку: не замечала, не тянулась, не пыталась понять.

Отец Лауры, муж Дойны, был миссионером — проповедником, который нёс слово Божье.

— Вау, наверное, это интересно и занимательно? — спрашивал маленький Костик.

— О мой мальчик, это всё ради спасения, — отвечал тот, и глаза его сияли надеждой.

Однажды он подарил Константину крестик, ласково называя его «Костюком», и ушёл — и больше не вернулся. Пропал без вести. Лаура и Дойна строили мрачные догадки: «Попал в рабство… или в племя каннибалов… а может, его убили». Но Константин уже тогда чувствовал: вера — это не только свет, но и жертва, и не всегда она спасает. Он задавался вопросом: «Разве человек не может быть спасён, если он неверующий? Если он прожил жизнь неложно, был добрым — разве этого недостаточно?»

Каждое воскресенье Константин ходил в церковь Евангелия: наблюдал, изучал, пытался понять, во что верить. Для него это было так же важно, как дышать.

Спустя два года пришло известие: тело миссионера нашли на Филиппинском архипелаге. Судмедэксперты заключили: несчастный случай — ударился головой во время проповеди. Ни больше ни меньше. Мир казался жестоким, люди — похожими на зверей, и близкие старались уберечь Константина от этой тьмы, внушая, что нужно быть осторожнее, не доверять слепо, не становиться таким, как они. Но никто не мог застраховать его от боли, от потерь, от случайностей, из которых и складывается жизнь.

Когда Константину исполнилось шестнадцать, он съехал от Лауры и снял маленькую квартиру за две тысячи румынских лей — примерно тридцать тысяч российских рублей. Он был русским по происхождению, а в Румынии оказался благодаря Лауре: она когда-то училась в одном из российских городов, а потом вернулась домой уже вместе с усыновлённым мальчиком, сделав своей матери «приятный сюрприз». Дойна приняла новость с холодным равнодушием — будто ей было всё равно. Лаура давно перестала искать в её взгляде хоть каплю тепла: любовь к дочери давно угасла, оставив лишь пепел отчуждения.

— Почему? Почему она так холодна? — снова и снова спрашивала себя Лаура, но не находила ответа. А потом и вовсе перестала задавать вопросы.

Так Константин и вырос в Тимишоаре — рядом с «другом» Лаурой и «бабушкой», которая никогда не была бабушкой по духу. Друзей у него было раз-два и обчёлся. И только к шестнадцати годам появились несколько приятелей, но

вскоре они разъехались, перестали писать, звонить, и связь оборвалась. Остался только Марк — и то виделись они не чаще раза в месяц.

Марк был полной противоположностью Константина: мускулистый, уверенный, переполненный тестостероном, он будто излучал энергию. В отличие от худого, незаметного Константина, Марк умел быть в центре внимания. Он работал по четырнадцать часов в офисе, ещё три трудился дома, вечно недосыпал, но при этом успевал всё: и работать, и отдыхать, и очаровывать каких-нибудь «светских» дам, водя их по театрам и галереям.

— Кто он? — думала, проходя мимо, какая-нибудь незнакомка, заворожённая его статью.

А Константин отказывался от приглашений Марка, предпочитая оставаться в тени. Марк словно брал на себя роль «публичного лица» их дружбы, позволяя Константину прятаться за его спиной.

— Да… Что хотел, то и получил, — думал Константин, глядя, как друг уходит навстречу очередной яркой ночи.

Он старался привлекать как можно меньше внимания, погружаясь в свои размышления. Ему казалось, что он чувствует мир тоньше, чем остальные, видит то, что другие пропускают. Но эта чуткость оборачивалась мукой: тревога нарастала, вопросы множились.

«Кто я? Что я значу? Зачем я здесь?» — думал он.

Он верил в силу воли, но не мог бросить курить — выкуривал по пачке в день. Его вредные привычки были словно якоря, удерживающие его на месте. Каждый день он повторял про себя: «Жить, а не существовать». В этой фразе был для него весь смысл — оставить след, сделать жизнь настоящей. Но позитивные мысли тут же окрашивались в тёмные тона, а чувство вины, сожаления и сомнения затягивали в мрак, из которого не было видно выхода.

Глядя на сверстников, которые с гордостью делились своими успехами, Константин чувствовал странную смесь зависти и отвращения — и к ним, и к самому же себе.

«У всех будто есть план, а у меня только список „надо бы“, который с каждым днём становится все длиннее», — думал он.

Образ «успешной жизни» не давал покоя, принося лишь разочарование. «Соберись и возьмись за дело» — казалось бы, простые слова, но для него они звучали как приговор. Он хотел создать что-то значимое, оставить след, который

будет радовать его самого, но собственное смятение мешало сделать первый шаг.

Иногда, когда к нему подходили с энергичными вопросами, он ловко ускользал, уходя в свои раздумья и переставая замечать даже Лауру. То он боялся чужого мнения, то пугался малейшего шороха, будто за углом таилось что-то неестественное, то вдруг ощущал прилив уверенности, который тут же сменялся тщеславным раздражением.

Все эти перепады, эти внутренние бури лишь мешали ему. Кто-то мог видеть в его молчании совершенство, но сам он знал: это не сила, а растерянность. Порой ему казалось, что он ясно видит всё вокруг, а порой тревожные мысли шептали, что он теряет рассудок. Он понимал многое, но нигде не находил места. Временами самолюбие подталкивало его к действию, зажигало искру мотивации, но она быстро гасла, оставляя лишь пепел несбывшихся намерений.

Но он был просто человеком — обыкновенным, живым, чувствующим, таким же, как и все остальные. И в этой обыкновенности была своя правда.

Глава 2

Кофейня. В одной, из которых Константин бывал изо дня в день. После тяжёлого рабочего дня на стройке он садился у окна, заказывал на постоянной основе флэт уайт и слушал, как по стеклу стучит дождь. За стеклом царила прохладная, сырая осень — будто весь мир окрасился в серые тона. Константин смотрел на эту мокрую улицу и погружался в тёмные уголки собственного ума, где тревожно шелестели одни и те же вопросы: чего он добился, чего ещё может достичь и что вообще ждёт его впереди.

— Что ждёт меня? — пробормотал он хрипло, не вынимая сигареты изо рта, отвечая самому себе где-то глубоко внутри.

И в один из таких вечеров в голове вспыхнула безумная, отчаянная идея. После долгих лет поисков себя Константин вдруг ясно понял: он хочет покорять горные вершины, колесить по миру и помогать фондам, которые поддерживают бездомных животных. Мысль врезалась в сознание внезапно, словно молния, — и в ней вдруг оказалось столько смысла, сколько не было ни в одном из прежних планов. Хоть чем-то он займётся по-настоящему. Хоть чего-нибудь достигнет.

Он твёрдо решил заняться благотворительностью.

Встал, вышел из кофейни и направился к своей однокомнатной квартире. Он платил за неё сам, уходил из неё один и возвращался в неё один. Ни девушки,

даже ни Марка — только он и его одиночество. Константин хорошо знал эту горькую истину: «Пришли одни и уйдём одни».

Он никогда не делился своими чувствами с Лаурой: слишком хорошо представлял, что она ответит. Она всегда его поддерживала, но скажи он ей о своём новом замысле — она бы не одобрила. Такой уж она была человек: осторожная, прагматичная, воспитанная строгой Дойной.

Когда-то одиночество даже радовало его, будто давало свободу. Но теперь оно превратилось в глубокую, холодную яму, где ничего не радовало и всё казалось бессмысленным. И вот теперь, впервые за долгое время, у него появилась цель. Он решил никому не говорить о своих планах — даже Лауре. Пусть это будет его тайной, его личным шагом в новую жизнь.

Был поздний вечер — десять часов. Константин ещё не был готов к завтрашнему тяжёлому дню, но вдруг подумал, что должен увидеть Иду.

Ида преподавала русский язык и литературу в начальных классах. Когда-то они были вместе, а теперь между ними пролегла целая пропасть. Год назад он сам отпустил её, сказав, что не достоин такой красоты и что она заслуживает свободы. И всё же почти каждый вечер он приходил к школе, когда она ещё работала, и тихо наблюдал за ней из темноты, пока в помещении не гас свет. Это было его странным ритуалом, его способом оставаться рядом, не нарушая её границ.

Сегодня он снова пошёл туда, вдыхая влажный воздух, смешанный с дымом сигареты Rothmans. Дождь только что закончился, и город пах свежестью и одиночеством.

«Я мог бы просто взглянуть со стороны — этого было бы более чем достаточно», — думал он.

Но когда он добрался до школы, в окнах уже не было света. Он сел на лавочку у её дома и стал смотреть на тени, мелькавшие за занавесками. Сидел час, потом два. Наконец, решившись уйти, выбросил пустую пачку от сигарет — и тут за спиной прозвучал нежный, словно птичья песня, голос:

— Константин?

Он застыл на пятнадцать секунд, будто превратился в каменную глыбу, простоявшую здесь сотню лет.

— Неужели это?... Не показалось ли мне?

Попятившись, он обернулся и увидел её в окне. Тонкая, изящная, будто сотканная не для этого грубого мира. Это была Ида.

В голове пронеслось: «Я так хотел увидеть. Я так давно не слышал голоса».

Год они не виделись с тех пор, как она сказала, что ей стыдно быть с ним.

— Да, я Константин, — наконец выговорил он.

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

— Я сейчас, минуту, — прошептала она из окна второго этажа.

Константин был готов исчезнуть, раствориться в темноте, пока она спускалась, но решительности ему не хватало и он остался.

— Здравствуй, — произнесла она чуть равнодушно.

— Добрый вечер, — ответил он секунду спустя.

Ему хотелось извиниться тысячу раз. Он всегда чувствовал вину. В его голове крутилась мысль: «Первый извиняется — самый смелый, даже если он прав. Первый прощает — самый сильный».

Они не могли быть вместе — не потому, что были разными, а потому, что он совершил ошибку, о которой жалел до сих пор. И эта ошибка стала границей между ними.

Глядя ей в глаза, он видел в ней вечный неразгаданный вопрос. А она, хоть и старалась скрыть это, хотела подойти ближе. Её душа всегда была видна в глазах — она не умела лгать.

— Глаза не умеют лгать! — вдруг сказал он вслух.

— Прости? Что ты сказал? — удивилась она.

— Нет-нет, ничего. Трудный день, — соврал он.

— Ну? Какими судьбами? Что тебя сюда занесло? — спросила она с искренним удивлением.

Он не хотел признаваться, что приходил сюда почти каждый вечер.

— Я… я хотел увидеть вас, — произнёс он неловко.

— Одиннадцать лет, Кость, одиннадцать лет. А ты всё ещё обращаешься ко мне на «вы»?

Это был риторический вопрос, но он всё равно ответил:

— Уверяю вас, только из уважения, вежливости и высокой ценности.

Она только фыркнула:

— Пф, какая глупость.

На минуту между ними повисло молчание.

— Полночь. Поздновато, — заметила она.

— Какие новости? — быстро спросил он, боясь, что она уйдёт, и желая удержать её взгляд хоть ещё на минуту.

— Я? Отлично. Новости? Да никаких. Всё как всегда: работа — дом, работа — дом. Ничего нового. А ты? Как Марк?

— Он в порядке.

— Передавай привет.

— Обязательно. Если вообще увижу.

Неуверенность сковывала его. Он не стал посвящать ее о свое цели — о горах, о помощи животным, о том, что завтра утром уезжает в Катманду. Он никому не говорил об этом: ни Марку, ни даже Лауре, ни кому-либо ещё. Считал, что так будет лучше.

— Всё равно один. Это не должно никого волновать, — мелькнула взволнованная мысль.

Они попрощались, и Константин вернулся в свою одинокую коммуналку уже около часа ночи. Там он начал готовиться к отъезду. Собрал вещи и экипировку в большой походный рюкзак и поставил будильник на половину пятого утра.

Остаток ночи он провёл в полудрёме, не раздеваясь и не расправляя постель.

Пять утра. Резкий звук будильника.

— Ночь прошла достаточно быстро, — вяло пробормотал он, едва проснувшись. Казалось, он и не спал вовсе. Круги под глазами, взъерошенные волосы. — Отличный вид, приятель! — с горькой усмешкой произнёс он, глядя на своё

отражение в зеркале.

В шесть утра он встретился с группой, которая отправлялась по тому же маршруту в Катманду. Никто из них не был ему ни другом, ни врагом — просто попутчики.

Доехав до аэропорта, Константин остановился перед табло.

— Тимишоара — Катманду, — проговорил он про себя. — Только табло и расстояние, которое стоило преодолеть. Что-то ведь это должно значить.

— Кажется, новая глава? — подошёл к нему кто-то из туристов.

— Да. Скорее всего, — кивнул Константин.

— Должно быть, это важно для вас?

— Хотелось бы верить. Прошу простить, но мне уже пора, — он развернулся, уходя от разговора.

— Что ж, удачи вам.

Началась посадка. Не замедляясь, он прошёл в салон и удобно устроился на месте. Чтобы отвлечься от долгого ожидания и перелёта, достал какую-то книгу. Самолёт начал набирать обороты, и Константина уже было не остановить — вместе с ним улетала и прежняя жизнь.

После многочасового перелёта они благополучно приземлились. После плотного обеда группа продолжила путь — ещё около сотни километров. Константин сидел на заднем сиденье пикапа и любовался видами. Стоял июнь, и заснеженные вершины гор сверкали на солнце, словно покрытые ослепительным серебром. Кто-то фотографировал, кто-то пытался быстро набросать пейзаж на холсте. Волнение дрожало внутри: казалось, вот-вот он обретёт тот самый смысл, которого так долго искал.

— Потрясающе, не так ли? — обратился к нему незнакомец, сидевший справа.

— Да, здорово, — синхронно отозвались все.

— Это точно, — добавил кто-то.

— Я тут впервые, — с восторгом произнёс Константин. — В таких местах бывал очень редко. Странно, что я вообще никуда не выбирался раньше.

Добравшись до места назначения, группа начала расходиться. Константин остановился у небольшого хостела, где всегда было много туристов из разных стран, и вскоре заселился в номер, чтобы отдохнуть и набраться сил: завтра утром ему предстояло познакомиться с волонтёрами приюта для бездомных животных.

Всю ночь он провёл в ожидании рассвета. Бессонница, которая мучила его уже больше двух лет, медленно отступала. Он никогда не обращался к врачам: их слова ободрения ничего для него не значили. Его преследовал страх смерти, мысли о несчастных случаях, о том, как уберечь себя от беды.

— Любить жизнь со страхом и без какого-либо смысла… Какая странность, — повторял он про себя.

Едва дождавшись утра и поспав всего четыре часа, он отправился в приют. Волонтёры спросили, что им движет, почему он хочет помогать.

— Я всегда любил животных больше, чем людей, — просто ответил он.

И тогда он рассказал историю из далёкого детства. Когда ему было около девяти лет, он, не осознавая всей горечи, которую это принесёт, захотел узнать, что случится с котёнком, если сбросить его с четвёртого этажа, ведь у кошек девять жизней. Это была роковая ошибка, о которой он сожалел уже одиннадцать лет. К счастью, какая-то девушка, проходившая мимо, остановила его, вырвав из рук этого жестокого замысла. Тогда он был всего лишь ребёнком, который ещё не понимал, что делает. С тех пор он научился ценить всё, что дарит радость и красоту, и осознал, перед кем провинился.

— О Господь Всемогущий! — прохрипела одна из волонтёров, пожилая женщина.

— Теперь всё иначе. Это для меня важно, — тихо добавил Константин с горьким осадком в голосе.

Раньше он пробовал себя в искусстве, спорте, писал рукописи, занимался музыкой — но всё бросал, не доводя до конца. Теперь же ему было волнительно и интересно: что ждёт его дальше?

Подписав нужные бумаги, он попросил показать территорию.

— Могу взглянуть? — спросил он, кладя ручку на стол.

— Конечно, пойдёмте.

Во время осмотра он заметил оградки на соседних могилах.

— А это что? — спросил он.

— Одна из собак была тяжело больна, пришлось усыпить, — ответила работница приюта, будто стараясь смягчить правду.

— А здесь?

— Тут был побег.

— Побег? Как же вы это допустили?

— За всеми не уследишь, — смущённо улыбнулась она, слегка покраснев.

— Спасибо. Когда можно приступить?

Она посоветовалась с вожатой и ответила:

— Если вам удобно, можете начать завтра, в восемь утра.

— Тогда договорились. До завтра.

— До свидания.

Утром Константин пришёл в приют и начал свой первый десятичасовой рабочий день. У него лежало на счету немало денег — около пятисот тысяч лей. Хватало, чтобы весь сезон снимать однокомнатную квартиру и жить без ограничений. Но он решил не тратить их на жильё. Снимал просто номер, а ещё отдал две тысячи лей приюту — как раз столько стоил месяц аренды квартиры. После этого он с головой ушёл в работу.

Целый день он кормил, выгуливал, чистил и мыл питомцев. Если кто-то нуждался в помощи, он делал всё возможное, конечно, под присмотром более опытных волонтёров.

Один из псов, огромный и сильный, чуть не лишился лапы: наступил на крошечный осколок стекла, который было почти невозможно разглядеть. Осколок глубоко вошёл в лапу, началось сильное кровотечение. Приехали ветеринары, взяли ситуацию под контроль, извлекли осколок и перебинтовали лапу. Пёс, несмотря на размеры, вскоре уснул. А Константин продолжал работать.

К вечеру он был совершенно обессилен. За весь день он поел только один раз — времени на отдых просто не было. Время пролетело незаметно. Он вернулся в скромный номер хостела, такой же простой, как и его прежняя однокомнатная квартира.

Так прошло три месяца. Сезон подошёл к концу, и Константин решил вернуться в Тимишоару. Он собрал свой большой походный рюкзак задолго до отъезда — у него оставалось ещё три свободных дня. И тут он подумал: почему бы не подняться в горы, раз уж вся экипировка с ним?

Ранним утром, когда солнце ещё не выглянуло из-за горизонта, он пошёл по лесной тропе к высокой горе, почти доставшей до облаков. Он был единственным, кто отправился туда в одиночку. Встретив спускавшихся туристов, он подумал: «Всего на день. Главное — успеть».

Путь оказался тяжелее, чем он ожидал. Добравшись лишь до середины, он присел на скалистом уступе, чтобы перевести дух, и достал из рюкзака бутылку воды. Она уже не была прохладной, но он жадно пил, слыша, как вода булькает в горле.

— Ладно, в путь, — выдохнул он, отдышавшись.

Выпив полбутылки тёплой воды, он продолжил подъём.

И вот — момент истины. Он добрался до вершины. Проводил закат, любуясь панорамой, раскинувшейся перед ним. Горы, долины, облака — всё казалось таким огромным и в то же время удивительно гармоничным.

— Может, брошу курить, — усмехнулся он, и эта усмешка заставила его задуматься о долгом и изнурительном спуске, который ещё предстояло пройти.

Он начал спускаться, но вдруг услышал странный звук слева от тропы. Ускорил шаг, стараясь не терять равновесие. Спуск занял гораздо больше времени, чем подъём. Усталость накатывала волнами, ноги едва слушались. Когда он наконец добрался до двери своего номера, силы окончательно покинули его.

Войдя внутрь, он снял кроссовки, ноги тотчас же ощутили такое блаженство, что он даже не чувствовал жжения натертых мозолей.

Глава 3

Вернувшись в Тимишоару всего на неделю-другую после трёх месяцев в Катманду, он первым делом направился к дому Лауры.

Дверь открыла Дойна. В её глазах, несмотря на суровый вид, мелькнуло такое искреннее облегчение, что она едва сдерживала слёзы.

— Из всего земного шара, где тебя носило?! Ответь! Почему не предупредил? — почти выкрикнула она.

— Я был по делам в отъезде, — спокойно ответил Константин.

— По каким делам?! — в унисон переспросили Лаура и Дойна.

— Не важно.

— Это риторический вопрос! На него не нужно отвечать! Ну, и как? Понравилось, где бы ты ни был?

— О да. Очень.

Дойна поджала губы, будто проглотила что-то горькое.

— Лучше бы занялся чем-то по-настоящими стоящим. Строил бы карьеру. Люди, прожившие жизнь, плохого не посоветуют.

Константин чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к чему-то за ними.

— Плохого не посоветуют? — переспросил он тихо, а потом голос его стал твёрже. — Вы считаете, что быть рабом системы — это правильно? Вы гордитесь тем, что всю жизнь горбатились на какого-то алчного человека, который только и думает, как бы подольше держать своё «стадо» в узде? «Пока у меня есть те, кто приносит мне доход, мне беспокоиться не о чем» — вот его правда. А вы считаете это достойным?

Дойна побледнела.

— Как ты смеешь?

— Нет, это вы как смеете навязывать мне жизнь, которой сами гордитесь? Я реалист. Самонадеянный реалист, простите. Те, кто идут против течения, по-настоящему свободны. А вы ищете выгоду и слепо следуете за толпой, лишь бы было удобно.

— Ну как ты можешь такое говорить?! — в отчаянии воскликнула Лаура.

— Вы прожили жизнь, осуждая тех, кто не вписывается в ваши рамки, боясь даже шаг сделать в сторону от рутины. Вы называете свободомыслящих людей — неудачниками, а ведь они просто не хотят быть такими, как все.

— Да ты… — Дойна почти задыхалась от гнева. — Голосок прорезался?!

— Я индивидуалист. Ставлю свои цели выше чужих ожиданий. Не пляшу под чужую дудку. Вы даже не замечаете, как глубоко увязли в этой системе.

— Ты индивидуалист, потому и одинок. Забрёл в тупик. Тебе бы к специалисту сходить, — в голосе Дойны вдруг зазвучал нервный смех, будто она пыталась скрыть страх.

Константин замер, словно её слова ударили сильнее, чем гнев. Он медленно проговорил:

— Вы всегда относились ко мне… не слишком тепло. А теперь, когда я вырос, пытаетесь навязать мне свою правду. Это что, закон выживания?

Лаура шагнула к нему, умоляюще протянув руку:

— Костя, прекрати. Что с тобой? Ты всегда был таким спокойным…

— Я просто больше не могу дышать вашими советами. Каждый раз, когда я прихожу, на меня набрасываются, будто я обязан жить по вашим правилам. Я пришёл с хорошими намерениями, а не чтобы спорить.

Он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

В квартире повисла звенящая тишина.

— И что это было? — прошептала Дойна, обращаясь к Лауре.

— Кажется, что-то случилось. Я никогда не видела его таким. Будто в нём что-то прорвалось.

— Посмотри, кого ты воспитала, — процедила Дойна.

Но Лаура не слушала упрёков. Она знала: в словах Константина была не только злость, но и боль.

Константин шёл по набережной, затягиваясь сигаретой. Ветер трепал волосы, а в груди всё ещё кипело. Он думал о том, что должен извиниться перед Лаурой. Дойна была ему безразлична — он относился к ней ровно так же, как и она к нему. Но Лаура… она заслуживала другого отношения.

Они встретились в парке, на той самой аллее, где когда-то гуляли, когда он был ещё мальчишкой. Это место знали они оба, и Лаура сразу поняла, где его искать.

— Лаура, прости меня, — заговорил он, не давая ей вставить ни слова. — Я был неправ. Мне не стоило так срываться.

Она мягко коснулась его плеча.

— Ну что ты. Всё хорошо.

— Я не должен был так себя вести.

— Я понимаю. Но, Костя… три месяца. Ни одной весточки. Мы уже думали заявление в полицию подавать.

Его сердце сжалось.

— Прости. Обещаю: теперь ты всегда будешь знать, где я. Только ты.

— Расскажи, где ты был?

Он глубоко вздохнул.

— В Катманду. Там есть приют для бездомных животных. Я помогал им.

Лаура удивлённо приподняла брови, а потом медленно улыбнулась.

— Правда? И тебе это… нравится?

— Да. Странно, всё как будто перемешалось, но мне кажется, я наконец делаю что-то настоящее.

— Ты всегда был особенным. Очень интересным.

Они крепко обнялись, и на какое-то мгновение весь мир будто стал тише.

Расставшись с Лаурой, Константин снова окунулся в город. «Интересно, как Марк?» — мелькнула мысль. Он сел в трамвай, проехал семь остановок и подошёл к дому друга. Но Марка не было ни дома, ни в сети.

«Наверное, в командировке, — подумал Константин. — Кто вообще работает в субботу?»

По дороге он зашёл в библиотеку — ту самую, где когда-то проводил часы, вдыхая запах бумаги и чернил. Здесь всё пахло прошлым, и это даже вроде как успокаивало. Лауры не было — был выходной, да и они уже виделись. Он взял с полки новый томик, вышел на улицу и сел на лавку. Уткнувшись в страницы, он читал, не замечая времени. Шесть глав, двадцать пять, а может, и тридцать страниц — он не считал. Только когда попытался сменить позу, почувствовал что-то липкое под собой. На лавке остались красно-алые пятна — краска ещё не высохла. Константин усмехнулся, встал, отряхнулся и пошёл дальше. Три часа чтения стоили испачканных брюк.

Послезавтра он снова уезжал в Катманду. Так и не встретившись с Марком.

Марк был человеком дела: всегда в движении, всегда занят. Скорее всего, он действительно уехал в командировку, о которой Константин просто не знал. Да и как он мог знать о приезде Константина? Никто не ждал его здесь.

Решив уехать снова, Константин предупредил только Лауру. Её реакция оказалась неожиданно спокойной, почти одобрительной. Дойне знать не было нужды — да она и не одобрила бы. Но это уже не имело значения. Главное, что Лаура знала. А с Марком он поделится всем позже.

Странно было только одно: как бы Константин ни пытался встретиться с другом, Марк всё время оказывался где-то в другом месте. То занят, то в отъезде. Можно было подумать, что он избегает встреч, прикрываясь делами. Но Константин не хотел искать подвоха. Просто так совпало.

Город шумел, трамвай звенел на поворотах, а Константин шёл вперёд, чувствуя, как понемногу утихает буря внутри. Впереди снова были горы, приют, работа, смысл. И пусть кто-то этого не понимал — он сам наконец начал понимать себя.

Глава 4

Константин снова собирался в путь. Он схватил свой большой походный рюкзак — тот самый, который за всю неделю так и не успел распаковать. Лямки норовили соскользнуть, а сам рюкзак будто шептал ему в спешке: «Постой, я слишком тяжёлый, из-за всех этих вещей и набитых карманов я только всё усложню». Константин и правда опаздывал на запланированный рейс и теперь неуклюже бежал, стараясь удержать неповоротливую ношу.

Однажды, в один из редких выходных, когда приют был закрыт и ему велели прийти только на следующий день, Константин провёл утро в хостеле. Он стоял на балконе с дымящейся сигаретой и кружкой почти остывшего кофе и любовался панорамой, которая разворачивалась перед ним, словно живая картина. Потом он решил пройтись и получше рассмотреть чудесный Катманду — и неожиданно встретил тех самых туристов, с которыми когда-то летел сюда.

— День добрый! Как вас… напомните? — обратился к нему один из парней.

— Добрый. Константин.

— Ах да, точно-точно!

— Вы меня помните? — чуть смущённо спросил Константин.

— Ну конечно! Только имя из головы вылетело.

— Мы тогда толком и не познакомились, — заметил Валентин, словно приглашая начать всё заново.

— Я Валентин. Очень приятно!

— Константин. Рад знакомству!

— Так что же вас сюда привело, Константин? — поинтересовался Валентин.

И Константин вдруг охотно начал рассказывать: про Румынию, про хостел, про помощь приюту для животных.

— Ничего себе, здорово! Вы благотворитель?

— Нет, ничего особенного. Но для меня это стало важным.

— А вы откуда? И зачем здесь? — засыпал он Валентина вопросами.

— Я из Латвии. Путешествую с группой. Уже больше семи лет колесим по миру, покоряем горные вершины.

— А вы сами путешествуете? — быстро спросил Валентин.

Константин невесело усмехнулся:

— Нет, что вы… Я только сейчас будто выбрался из какой-то скорлупы. Но именно здесь я впервые почувствовал себя по-настоящему живым.

— Да… Живая жизнь, — тихо повторил Валентин, будто пробуя эти слова на вкус.

— Слушайте, мы сейчас уходим на одну из вершин. Не хотите с нами?

Константин задумался: а успеет ли он вернуться к завтрашнему дню?

— На сколько? На день? На два?

— Буквально на сутки. Тут недалеко.

Он чуть помедлил, а потом кивнул:

— Да, согласен.

Они присоединились к группе и отправились в путь.

— Бывали раньше в горах? — спросил кто-то из команды.

— Да. Недели две назад поднимался.

— Вот мы уже три месяца здесь.

— А куда потом? — прямо спросил Константин.

— По плану — в Альпы. Во Францию, верно? — спросил Валентин, обернувшись к остальным.

Те кивнули.

— Не хотите с нами? — снова предложил Валентин.

Константин на мгновение задумался, но почти сразу понял: их дороги сейчас не совпадают.

— Пожалуй, откажусь. При всём уважении.

Сутки пролетели незаметно, будто кто-то смахнул их лёгким движением руки. Константин даже не успел осознать, как быстро промчалось время.

Наступило утро. Пора было идти. Он вдруг поймал себя на мысли, что в этот раз ему оказалось удивительно легко знакомиться с людьми. Обычно это давалось ему с трудом, но сейчас слова сами находили дорогу. Ему хотелось говорить и слушать, узнавать новые истории, но времени катастрофически не хватало.

Вернувшись в хостел буквально на пару минут, он взял нужные вещи для работы в приюте и снова отправился вперёд. Он не выспался, но и не опоздал — целые сутки в горах стоили этой усталости.

Те самые штаны, испачканные тёмно-алой краской, снова были на нём. Они уже отслужили свой второй сезон.

— Кажется, не зря я тогда сел на ту окрашенную лавку, — пробормотал он себе под нос, мельком взглянув на пятна.

Уставший, он сидел и провожал закат. Солнце садилось, заливая всё вокруг кроваво-золотым светом, и его зелено-серые глаза будто вспыхивали, как два маленьких фонаря. В какой-то момент внутри всё вдруг стало на свои места.

«Что бы я ни делал, куда бы ни шёл — всё идёт своим чередом. Всё так, как нужно, и так, как должно быть. Пусть будет так, как будет».

В его сознании прояснилось: какой бы путь ни выбрала для него жизнь, какие бы рельсы ни легли под ноги — значит, так и должно случиться. И в этом странном принятии было какое-то тихое, почти невесомое чувство покоя — лучшее из всех, что он знал.

Глава 5

Дни сменяли друг друга, а Константин всё оставался в этом городе. До конца сезона оставалось ещё две с половиной недели. Он по-прежнему помогал брошенным животным, но так и не сблизился с теми, с кем работал бок о бок. За всё время он едва ли обменялся с ними больше чем парой дежурных фраз: «Доброе утро» — и ближе к вечеру: «Всего хорошего».

Почему с Валентином он нашёл общий язык так легко, а с собственными коллегами не мог и слова связать? В этом была какая-то странная несправедливость: ведь ради этих самых животных он и приехал сюда. Но контакта не получалось. Вопрос этот оставался для него загадкой, без ответа и без ключа.

Уже полгода он жил в разъездах, и усталость стала его привычной тенью. Даже разговоры с Лаурой, которые раньше согревали, теперь казались обременительными: её просьбы писать хотя бы раз в неделю отзывались в нём не теплом, а тяжестью. Раньше он никогда не уставал от неё — он уставал от самого себя, от ощущения, что топчется на месте.

Он работал без передышки, позволяя себе лишь один выходной, который неизменно проводил в горах. Поначалу это было спасением, но постепенно и горы перестали приносить облегчение. Выбравшись из суеты, он наблюдал за людьми, которые мчались по жизни — то спасаясь от чего-то, то отчаянно к чему-то стремясь. Они спотыкались, торопились, боролись за выживание, и эти наблюдения всё чаще подталкивали Константина к мысли, что ему стоит уехать. И всё же он понимал: то, чем он здесь занимается, нужно ему так же, как живому существу нужен воздух.

Ещё одна неделя подошла к концу. Вместо того чтобы отправиться к вершинам, Константин остался в хостеле. За весь день он вышел лишь раз — ближе к семи вечера, чтобы купить сигареты. Прогулялся всего полчаса под прохладным вечерним воздухом и вернулся. Поднявшись на второй этаж, он прошёл по длинному коридору мимо ресепшена, но вдруг остановился. Впервые за долгое время в нём шевельнулось острое, почти отчаянное желание просто с кем-нибудь поговорить.

За стойкой стояла молодая девушка — администратор Мира. Она выглядела моложе своих лет, может, была всего на пару лет старше Константина.

— Добрый вечер! — сказал он, чувствуя, как внутри дрожит непривычная капля смелости. — Я Константин.

— Мира. Очень приятно, — улыбнулась она.

— И мне.

— Вы тут уже полгода, верно?

— Да. Я уезжал на неделю, а теперь снова вернулся.

— У нас снимать номер выгоднее, чем квартиру.

— Спасибо, я знаю.

— Чем занимаетесь?

— Я путешественник.

— Обычно путешественники не задерживаются у нас на полгода.

— Я ещё и благотворительностью занимаюсь. И в горы хожу.

— А, это тут не редкость. Многие приезжают, но надолго не остаются. Максимум на месяц. А откуда вы? Я видела данные, но уже забыла.

— Из Румынии.

— Ах да, точно.

— А вы? Местная?

— Нет, я из России. Живу тут уже около трёх лет.

Они оба на мгновение замерли от этого совпадения.

— Правда? Как вы тут оказались?

— Вам тот же вопрос: как вы оказались здесь?

Они рассмеялись.

— Это долгая история.

— Как тесен мир, — покачал головой Константин.

На минуту повисла лёгкая, не тягостная тишина.

— Если что-то понадобится — обращайтесь, — сказала Мира.

— Спасибо.

— Рада была поболтать, но мне пора сдавать смену. Может, ещё увидимся?

— Обязательно. До свидания.

— Всего хорошего, Константин.

Он пошёл к своему номеру, про себя повторяя: «И правда, как тесен мир».

Усевшись на кровать в номере, Константин одновременно чувствовал восторг от этой короткой беседы и странную, тревожную лёгкость, будто он наконец приоткрыл какую-то дверь. Эмоции бурлили, обещая, что стоит только захотеть — и можно будет говорить, слушать, быть услышанным. Он просидел так больше получаса, пока не очнулся от звука таймера телевизора: ровно в девять начались местные новости.

В выпуске рассказывали о трагедии: альпинист сорвался со скалы из-за отказа снаряжения, пролетел больше двадцати метров и получил травмы, несовместимые с жизнью. Расследование не затянулось: всё указывало на несчастный случай. Судмедэксперты быстро установили личность погибшего.

И тут мир Константина рухнул.

Это был Валентин.

— О нет… — прошептал он, и паника накрыла его ледяной волной. Он заметался по комнате, не находя себе места.

В дверь постучали. Сначала тихо, потом громче.

— Да! — крикнул он.

Дверь была не заперта. Она приоткрылась со слабым скрипом, и в комнату вошла Мира.

— До меня дошло пренеприятное известие, — проговорил он, уставившись в одну точку, будто боялся, что, если моргнёт, реальность исчезнет.

Минуту в комнате стояла мёртвая тишина.

— Что вы тут делаете? — спросил он, наконец повернувшись к ней.

— Простите… Вы чем-то сильно взволнованы? — она смотрела на него с тревогой, в которой не было ни осуждения, ни любопытства — только участие.

— Всё так странно. Так удивительно…

— Что вы имеете в виду?

— Вы слышали сегодняшние новости?

— Да, к сожалению.

— Он был мне… не близким, но знакомым. Приятелем. И почему-то это так сильно меня тревожит.

— Мне жаль. Но жизнь такова: мы встречаем людей, теряем их, идём дальше. Это горько, но не значит, что нужно останавливаться.

— Со временем понимаешь, как много значит каждая встреча.

— Пойдёмте прогуляемся? Не стоит сейчас оставаться одному.

Они вышли из хостела и пошли по тротуару. Уличные фонари отбрасывали тусклый жёлтый свет, и город казался одновременно чужим и странно близким. Они говорили о случившемся, и Мира рассказала, что Валентин когда-то снимал номер в этом же хостеле — сто четвёртый. Тот самый, где уже полгода жил Константин. Простое совпадение, но от него становилось не по себе.

Не успели они пройти и двухсот метров, как их ослепил яркий свет фар. Это был тот самый пикап, в котором Константин когда-то ехал в аэропорт вместе с группой туристов. Только теперь в машине не было Валентина. Пикап на секунду замер, а потом рванул вперёд. Константин успел заметить чей-то пристальный взгляд, брошенный на него из окна. На фоне тусклого света фонарей лицо показалось ему странно знакомым, будто обещало что-то важное.

Мира шла рядом, спокойная, словно каменная статуя, не поддающаяся ни страху, ни волнению. Константин опустил голову и смотрел на плиты тротуара, погружённый в свои мысли.

— Есть ли вообще в этом какой-то смысл? Если через сотню лет никого из нас не останется, стоит ли вообще что-то делать? — думал он, забыв, что рядом с ним идёт Мира.

Она тоже не торопилась с ответами. В её голове крутились сотни вопросов, и она видела в Константине человека, который смотрит на привычные вещи иначе. Кто-то счёл бы его странным, почти безумным, кто-то — глубоким и честным. А кто-то просто постарался бы понять.

Константин шёл вдоль бордюра, настолько погружённый в себя, что не сразу заметил, что остался один. Мира исчезла. Он понял это только спустя час, когда,

сам не зная зачем, прошёл уже одиннадцатый километр к югу, обойдя окраины города и семь длинных кварталов. Остановившись, он медленно повернулся вокруг себя, оглядывая пустую улицу. Ни людей, ни животных, ни малейшего движения. Город будто затаил дыхание.

Вернувшись в хостел, он подошёл к ресепшену. Администратор, молодой парень, которого он раньше не замечал, спокойно посмотрел на него.

— Передайте Мире, что я вернулся, — попросил Константин.

Администратор чуть нахмурился.

— Простите, какой Мире?

— Что значит какой? Вашей коллеги.

— Извините, но кажется, вы что-то напутали, я впервые слышу это имя. Нет никого: ни вашей, как вы говорите, Миры, ни даже сменщиков. Только один я.

Слова ударили, ему пощёчиной. Константин стоял, не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить и слова. Мир, который только что казался таким тесным и полным совпадений, вдруг стал пугающе пустым.

Глава 6

Ранним утром Константин не пошёл в приют. Его сковало тяжёлое, почти осязаемое умственное напряжение — оно давило на виски, сжимало грудь, не давало сделать ни шага вперёд.

Полдня он просидел в номере, погружённый в мучительные раздумья о том, что случилось прошлой ночью. Постепенно пелена паники начала рассеиваться, и он понемногу приходил в себя.

— Я… я спятил? Что со мной? Неужели я сошёл с ума? — шептал он, задавая себе вопросы, от которых становилось только страшнее.

Физическая и умственная усталость, накопленная из-за бессонных ночей, тянула его вниз, словно свинцовый груз. Большие тёмные круги под глазами будто подчёркивали, как близко он подошёл к пределу. Он перестал чувствовать ту внутреннюю опору, которая всегда удерживала его на ногах, — и это пугало больше всего.

Тридцать шесть часов без еды и воды пролетели незаметно, будто его организм вообще перестал замечать такие мелочи. Но тело всё равно приняло на себя весь удар: отсутствие сна и базовых потребностей истощило его до последней

капли. В его померкших ясно-зелёных глазах застыли немые вопросы: «Как?», «Зачем?», «Почему?». Даже если всё это было лишь игрой воображения, это не приносило ни облегчения, ни утешения.

Время тянулось невыносимо медленно, издеваясь над ним своей вязкой неторопливостью. Всего один день, наполненный этой тяжестью, вымотал его до основания.

В тёмных уголках сознания роились мысли, заставлявшие заново оценивать всё, что раньше казалось важным. Суета, страхи, погоня за достижениями — всё вдруг предстало перед ним как череда незначительных поводов, не стоящих ни капли потраченных сил.

— Неужели я трачу время на что-то бессмысленное? — он повторял эти слова тихо, почти беззвучно, сидя неподвижно, будто боялся спугнуть собственные сомнения. — Какой смысл во всех этих движениях, если итог всё равно предопределён? Счастлив ли я?

Мир вокруг начал казаться ему театром абсурда. Люди, словно актёры, играли на публику, отчаянно добиваясь внимания и боясь чужого слова. Одни пытались обмануть, другие спешили навязать свою «правду» всему свету, объединяясь в группы единомышленников, где каждый искал хоть какую-то выгоду. Кто-то продавал любовь за деньги, кто-то слепо её покупал.

— Почему всё вдруг стало такой фальшью? Где всё настоящее? Куда я попал? Где я живу? — его голос дрожал, а в зелёных глазах блестели слёзы — горькие, солёные, полные усталости.

Но он тут же одёргивал себя: не все люди фальшивы. Кто-то действительно живёт по-настоящему, кто-то выживает, кто-то творит и создаёт, потому что именно для этого и рождён.

— Где тот самый смысл, который я так долго ищу? Для чего я? Что для меня по-настоящему важно? — слеза скатилась по щеке, и в этом движении было всё его бессилие.

Он чувствовал, что смысл будто растворился в воздухе, а вместе с ним исчезли и путь, и надежда. Хуже всего было ощущение, что он уже не успеет ничего изменить. Жизнь казалась жестокой игрой, которая превращала людей в диких зверей — в отвратительных «людей-животных», с которыми ему не хотелось иметь ничего общего. Он хотел исчезнуть, стать невидимым, чтобы никто не знал о его существовании, и сам не хотел знать о них.

Этот бесконечный разговор с самим собой окончательно истощил его. Он рухнул на кровать, словно лишённое воли тело, и мгновенно провалился в сон. Шесть часов глубокого, почти мёртвого сна стали для него лучшим лекарством. Проснувшись, он взглянул на мир будто с другой стороны — и увидел то, чего раньше не замечал.

Больше недели он не выходил из номера хостела. Только к полудню он обнаружил полтора десятка пропущенных звонков и около десяти сообщений — почти все от Лауры. Они сыпались одно за другим, будто хотели добавить ещё одну тяжесть к уже невыносимому грузу его стресса.

Он быстро написал ей, что всё в порядке: телефон выпал из кармана, когда он доставал наличные, чтобы заплатить за напиток. Он не заметил, как обронил его, и уже уходил, когда чей-то громкий голос заставил его обернуться. Он вернулся, забрал телефон, поблагодарил человека и только потом смог ответить. Лаура поверила, и это немного успокоило его.

Среди её сообщений было ещё одно — от Марии из приюта «Добрые Дела»:

«Константин, сообщает Мария из приюта Добрые Дела. В связи с тем, что вас не было более недели, мы настоятельно просим вас сообщить о дальнейших ваших действиях или, если не затруднит, явиться. С уважением, Добрые Дела».

Он вскочил так резко, что сам не успел осознать, что делает. Забыв на мгновение обо всём, он тут же вспомнил и начал собираться. Выходя на улицу, он вдруг снова увидел перед глазами тот массивный пикап, пронёсшийся мимо него. Из треснувшего окна на него смотрело бледное, почти мертвенное лицо. Константин подумал, что, скорее всего, группа уехала из Катманду после гибели Валентина — и это было самым логичным объяснением: они покинули город так быстро, что у него даже не было шанса выразить свои соболезнования.

Перейдя дорогу, он направился к приюту «Добрые Дела», где его уже ждала Мария и остальные волонтёры.

Путь показался невыносимо долгим: духота, палящее солнце, узкие улицы, будто сжимавшиеся вокруг него. Добравшись до приюта, он остановился у главного входа, чтобы перевести дух. Он вспотел так, будто только что вынырнул из горячих источников: лицо раскраснелось, волосы слиплись и засалились, одежда обвисла, пропитанная влагой. Казалось, он не шёл, а бежал, подгоняемый чувством долга, которое грызло его изнутри.

Войдя внутрь, он медленно, устало прошёл мимо вольеров. Дойдя до середины помещения, он вдруг услышал оглушительный лай: целая стая собак сорвалась

на него с яростным рёвом. Они выглядели голодными и озлобленными, будто их неделями держали без еды; их ярость была почти осязаемой — такой, что могла бы сломить любого. Даже голос Марии, встретившей его с искренним удивлением, не мог усмирить эту бурю.

Константин смотрел на эту ярость не со страхом, а с каким-то странным, почти болезненным любопытством — словно заглядывал в бездну, не боясь упасть.

— Добрый день, Константин! — позвала его Мария.

— Мария! Что с ними? Почему они так взбесились?

— Сама не понимаю. Впервые вижу их в таком состоянии. Где вы пропадали? Что-то случилось? — спросила она спокойно, без упрёка, но с искренней заботой.

— Нет, всё хорошо. Просто немного приболел, — легко солгал он. — Хотел вам кое-что сказать: мне нужно уехать.

— Вот как… Всё точно хорошо?

— Да, конечно. Не переживайте. Просто обстоятельства.

— Куда отправляетесь? Вернётесь ещё?

— На Филиппины. Не могу ничего обещать. Если что — дам знать.

Это была ложь. Он не собирался никому сообщать. Он даже не предупредил, куда пропал на целую неделю.

— Спасибо, что были с нами эти полгода. Вы очень помогли, сделали много хорошего. Вы хороший человек. Берегите себя, Константин. Желаю удачи во всём.

— Спасибо вам за то, что дали мне эту возможность. Я правда благодарен. Добра вам.

— До встречи, Константин!

— Всего наилучшего, Мария!

И он ушёл.

Глава 7

Восемнадцатичасовой путь, который он преодолел от Катманду до Кесон-Сити, очень сильно отразился на нем. У него не оставалось сил, и усталость была

единственной причиной продолжать поиски, чтобы хоть где-нибудь остановиться. Последние полтора часа не привели его к успеху: они прошли очень быстро и безрезультатно. Каждый хостел, который он находил и обзванивал, был забит битком. Ни одного свободного места. И только на окраине, в нескольких милях от города, был один старый мотель, основанный приблизительно в конце девятнадцатого века. Забронировав номер небольшого размера, где были лишь двуспальная кровать, стул и санузел, он отправился к нему.

Подъезжая к мотелю, он тщательно обдумывал, какие трудности возникнут при поездках в город. К счастью, его средства позволяли такие разъезды и путешествия в целом, но единственной проблемой было расстояние. Все эти неудобства с дорогой были для него настоящей пыткой. Казалось, это не должно составлять большого труда, но сил не оставалось — все это отнимало очень много энергии.

Финансовая грамотность всегда была его коньком. Впоследствии накопленные и заработанные суммы, отложенные до лучших времен, стали лучшим способом инвестиций.

Все свои давние сбережения он, как правило, тратил по минимуму.

Неподалеку от мотеля, расположенного в четырех-пяти милях от Кесон-Сити, находился бар «Былые времена». Зайдя внутрь и внимательно осмотрев помещение, он сразу заметил выделявшуюся фигуру пожилого человека лет семидесяти. В какой-то момент, всего на три секунды, старик повернул голову на девяносто градусов влево, позволив Константину узнать его, сам того не подозревая. Черты лица мужчины были смазаны из-за тусклого света лампы, но этого было более чем достаточно. Константин едва держался на ногах, но жажда узнать правду оказалась сильнее усталости. Стоило ему сделать шаг, как он вдруг остановился и задумался.

— Не могло ли это быть очередным видением, как в случае с Мирой? — вглядываясь в престарелого человека, задавался он вопросом. — Может, я снова все это выдумал?

Сделав ровно десять шагов до стойки, где сидел его «воображаемый» знакомый, и аккуратно прикоснувшись к нему, он резко изменился. С большим удивлением, уверенностью и легкостью положив руку ему на плечо, он понял, что его представление о собственном воображении не оправдалось.

— Кристиан! Дед! — с открытым настежь ртом повторил он снова. — Дед! Неужто… — резко прервался.

Он был ошеломлен. Кристианом звали его погибшего деда. Он было начал думать, что его, Лауру и Дойну где-то одурачили. Еще тогда, когда впервые открыл дверь в бар и увидел его, он сразу принялся отрицать увиденное своими глазами.

— Кристиан? Какой еще Кристиан? — повторил тот.

Он подумал о том, что мог спутать, но незнакомец был так похож на его усопшего деда.

— Ты меня не узнаешь? — спросил он.

— А должен?

Бесчисленное количество людей, которые могут быть похожи на него, всё равно должны чем-то отличаться. Должны быть какие-то недостатки. Не может быть так, чтобы сходство было стопроцентным, как две капли воды.

— С кем меня только не путали, но чтобы назвали Кристианом — впервые. Вы ошиблись!

— Похоже на то. Простите.

Развернувшись, он почувствовал, как тот схватил его за кисть правой руки, и сказал:

— Ты ведь не местный? Откуда?

— А... я... я из Румынии. Путешествую, — неуверенно и сбивчиво ответил он, с каплей страха глядя прямо в глаза, и замер на месте.

— Я знаю каждого в этих местах. И ни один подобный тебе приезжий так просто сюда бы не вошел.

— Почему бы не вошел? Разве так трудно открыть дверь и войти?

— Повторите, и моему другу, — хмуро выразив свое недовольство и нахмурив густые темные брови, он повторил:

— Эй, да кто-нибудь повторит? Любишь крепкое?

— Нет, не особо. Не стоит, спасибо. Мне кажется, пора. Всего хорошего.

— Убийства, насилие, драки, потасовки. Все это описывает эти места.

— Не слушайте его, он преувеличивает, — вмешалась дама, стоявшая за стойкой и разливавшая шоты, пытаясь ненароком не спугнуть. — Я Марта, кстати.

— Константин!

— По правде говоря, именно в наших краях это большая редкость. Если и случалось, то очень давно. Сейчас же все иначе.

— А почему сюда так трудно попасть? — заинтересованно спросил ее Константин.

— Взгляните на него, он едва языком ворочает. К тому же вы ведь попали.

— Да уж, дела.

— У вас кто-то пропал? Вы кого-то разыскиваете?

— Нет-нет. Этот человек похож на моего покойного родственника. Я принял его за него, просто обознался.

Последний час Марта рассказывала ему об этих местах, в то время как Кристиан постепенно отключался, осушив еще пару рюмок. Через некоторое время, прервав разговор, он, оперевшись о стойку и положив свою большую голову на скрещенные руки, окончательно потух.

Пятнадцатью минутами позже в баре уже никого не оставалось, кроме Константина и спящего за стойкой Кристиана. Она все говорила и говорила, не зная слова «стоп» и не прекращая своей речи. Тут до Константина дошла мысль о том, что и она, быть может, лишь плод его воображения, а все вокруг — несуществующая реальность. Он странно ощутил все окружавшее его и между ее словами про себя вставлял свои:

— Неужто всё повторяется, как с Мирой?

Он стал так странно вглядываться в неё, что она даже не заподозрила подвоха, а лишь была занята своей болтовнёй. Тогда он твёрдо решил проверить один способ и убедиться. Медленно приподняв из-под стойки руку, он стал протягивать её ей. Она отвлеклась и глянула на него с непониманием, но в ответ протянула свою, и их руки сомкнулись. Они улыбнулись друг другу и в шутку поздоровались, выговорив:

«Привет». Она приняла это за шутку, а он убедился в том, что это не очередная иллюзия.

Она продолжала говорить, а он смотрел, улыбаясь, и был рад тому, что всё такое настоящее и живое, что этот всерьёз кошмарный сон отступил. Между тем, хотя она два или три раза подряд задала ему вопрос, он совершенно не вслушивался. Он был погружён в свои раздумья, и в его ушах её голос был едва заметным. Скоро тембр её голоса усилился, и он пришёл в себя. Очнувшись, он переспросил.

— Я спрашиваю: что вас привело к нам?

— Простите, отвлекся. Я путешествую. — отвечал он вяло.

Он оторвался от стула так резко и быстро, что она вздрогнула, будто он сам чего-то испугался. Ее взгляд, устремленный на него, напоминал взгляд испуганного и ни в чем не повинного ребенка.

— Рад знакомству, Марта. Мне нужно идти.

— Конечно!

Открыв дверь, он вышел из бара и машинально потянулся к карману. Вид у него был уставший, но этого было достаточно, чтобы задуматься.

Тлеющей сигарете вдобавок мешал ветер, так что он даже не понял, как она погасла.

Глава 8

Утром, когда свет вовсю пробивался сквозь старое и чуть грязное стекло окна, было видно, что его поверхность мутна и размазана.

Солнечный свет, исходящий от всемирного светила, которому не составляло большого труда пройти через эту помутневшую оболочку, принуждал его открыть глаза. Он еще долго не мог встать, и его посетили мысли, из-за которых он был вынужден вновь закрыть глаза.

— Что вообще мне нужно? Как стоит жить? Может, на самом деле никто и не знает, как жить? — с полуоткрытыми глазами он ерошил волосы. — Почему смерть так сближает, и когда думаешь о ней, всё вдруг становится каким-то циничным? И куда приведет меня эта циничность?

Его глаза бегали вправо-влево, вверх-вниз, разгоняя мысли в разные стороны. И только через двадцать с лишним минут он заставил себя подняться. С вялым, безжизненным видом, покачиваясь из стороны в сторону, он подошел к пыльному окну в надежде разглядеть что-то приятное. Он сосредоточенно

наблюдал за растерянными людьми, бегущими куда-то по своим делам. Они казались ему теми, кто что-то потерял в своей жизни и теперь никак не мог это найти.

Такие рассеянные и злые. Раньше он не мог даже представить, что очень скоро на него свалится огромная куча болезненных проблем, которые заставят его искать ответы на неразгаданные вопросы.

Размышления не затянулись. План, ради которого он здесь оказался, стал понемногу реализовываться. Первой целью было пожертвование в новый фонд, и, не задерживаясь ни на минуту, он отправился в путь. Прежде чем выдвигаться, он решительно пытался дозвониться до Марка, чтобы предупредить о встрече по прибытии в Тимишоар, но тот не перезванивал; не было даже ни одного сообщения о том, куда он запропастился. Однако Константин не придавал этому большого значения, а лишь наблюдал за временем, которое постепенно уходило, предупреждая об опоздании. Дорога от мотеля занимала около сорока минут, плюс нужно было проехать чуть ли не через полгорода. Но и водитель, как нарочно, ехал со скоростью семьдесят километров в час, так что путь занял чуть больше часа.

Благополучно добравшись, он, едва переступив порог, внес крупную сумму взноса, на что все удивленно отреагировали и стали его благодарить.

— Кто вы такой? Как вас зовут? Вы тут всех пугаете? — со страхом и протягивая дрожащую руку, спрашивал его молодой человек лет двадцати пяти-семи, шагнувший ему навстречу из толпы. — Почему вы молчите? Ответьте же!

В то время как на него сыпалось бесчисленное количество вопросов, он, улыбаясь, ловким движением руки просовывал наличные купюры сквозь щель одного из ящиков для пожертвований. И все бы ничего, если бы он не заметил знакомое женское лицо, которое сильно отличалось от остальных. Оно было на удивление спокойным и равнодушным, лишь искоса поглядывающим на него. Среди окружавших его людей он также заметил, а точнее, почувствовал спиной тяжелое дыхание у себя на затылке, словно кто-то вот-вот задохнется. Вслед за молодым человеком возмущение подхватил мужчина крупных размеров, который дышал ему в затылок; развернув Константина, он сказал:

— Мужчина, вы совсем глухой? — возмущенно обратился он к нему. — Прекратите!

— Остановитесь! Вы не расслышали моего коллегу?

На долю секунды он остановился, а потом продолжил, ничуть не покраснев. Он никогда еще не чувствовал себя так блаженно. Это доставляло ему большое удовольствие, от которого он не мог оторваться.

— Да что это такое? Так! С этим нужно заканчивать, — послышался чей-то голос.

— Извините! На лицевой счет поступила крупная сумма денег, — взволнованно выпалила молодая девушка.

— Когда? И кто перевел?

— Имя не указано.

Подобные пожертвования у него всегда были минимальными, в отличие от этого. Оно было значительно больше. За все долгое время пребывания в Катманду такого еще не случалось. И как бы он ни хотел остаться, ему пришлось уйти. Решив придерживаться своего плана, он хотел просто вносить средства, не задерживаясь ни на день. Где бы он ни был, куда бы ни отправился, везде, где есть подобные благотворительные фонды и приюты, он будет лишь оплачивать здоровье и жизнь этих беззащитных и никому не нужных четвероногих друзей.

Остановившись, все выдохнули с облегчением, и те, кто наблюдал подобное зрелище, так и не узнали его имени. Для всех это казалось каким-то розыгрышем, но для него было весьма важным делом. Он не пытался что-то купить — это был лишь способ помощи.

Прошло какое-то время, и, когда он был готов уйти, проходя мимо аллеи, он бросил осторожный взгляд назад и снова увидел ее. На вид — знакомая. Он развернулся, постоял с минуту, попятившись, после чего молча подошел.

— Мы где-то встречались?

— Разве что, только что, — шутя ответила она.

— Нет! Я вас уже где-то видел.

— Да! И я вас видела. Даже запомнила. Мы ехали вместе в Катманду в пикапе с туристами.

— Ах, да… вы ведь та самая художница, которая переносила виды себе на холст?

— Лучия!

— Лючиа!

— Пусть так! Сочту за комплимент.

— Простите, Лучия! Подскажите, пожалуйста, вы случайно не были в Катманду, когда отъезжали из-за гибели одного из туристов?

— Да!

И его осенило.

— Так вот откуда то самое бледное лицо, всматривавшееся в меня, — тихим шёпотом проговорил он.

— Вы что-то сказали?

— Нет-нет. Это я так, забудьте.

— Вы знали Валентина? — спрашивала она.

— Да! Мне очень жаль, что так вышло.

— Да, и мне. Он был моим братом.

— Братом? Тогда что она здесь делает? — подумал он.

— Вы наверное, думаете, что я тут делаю?

— Честно? Да! Я так и подумал.

— Я единственная, кто не была способна бросить то, чем мы занимались с самого детства. Когда его не стало, я не остановилась, он хотел бы именно этого, чтобы я продолжала. Я так и сделала. Я не могла присутствовать на похоронах, поэтому вынудила себя уехать опять. К тому же, я такой же волонтёр, как и вы. Я тоже люблю животных и помогать им, конечно, не так, как вы, но всё же, любая помощь — это помощь, и она всегда нужна. Что касается встречи с вами снова, то это стечение обстоятельств.

— Здорово, когда жизненный смысл есть и направляет. Когда есть к чему стремиться, — подумал он.

Он не стал расспрашивать её, как она ко всему этому пришла и тому подобное, но задумался над тем, чтобы встретиться и поговорить еще раз, может быть, даже сходить в горы, что было бы весьма странным предложением.

— Ну и шоу. Вот так представление. Просто поразительно. Вы всех заставили сильно взволноваться.

— Но не вас. Вы, как мне показалось, не были в восторге. Вам было всё равно.

— Что вы?! Я была потрясена, — ответила она ему с сарказмом.

— Деньги — ничто! Они ничего не значат. Когда ты ищешь то, чего не можешь найти, всё превращается в бессмысленную, пустую и бесполезную трату времени. Будь у меня миллионы или не будь их вообще, всё зависит только от смысла. А если нет смысла, не будет будущего и места в жизни. Всё исчезает. Всё!

— Так говорят как раз-таки те, у кого они есть.

— Поспорю!

— Думаете?

— Думаю, да. Видите ли, богатство может стать ключом к счастью или причиной глубоких разочарований. В моём случае — это хоть какая-то польза от них.

— И как? Счастливы ли вы или огорчены?

— Думаю, что-то среднее! На протяжении всей своей жизни я только и делаю, что нахожу, а потом теряю. Как бы я ни старался воплощать задуманное, всё становилось недостижимым для меня.

— Вы находчивый.

— Я всегда что-то выискиваю.

— Что ж, я искренне желаю вам найти то, что вы так долго ищете.

— О, благодарствую. Это как раз-таки мне и нужно.

Они переглянулись и на несколько секунд умолкли. Поняв всю неуместность своего вопроса, он всё же заставил себя спросить:

— Слушайте, Лючиа…

— Лучия! — перебила она его.

— Прошу прощения. Не разрешите мне называть вас Лючиа?

— Если удобно…

— Спасибо. Я продолжу?! — перебил теперь её он. — Так вот, хотел спросить: я понимаю, что это не совсем правильно, но не хотите прогуляться в поход в горы?

— Простите пожалуйста. Боюсь, вынуждена отказать.

— Всё, понял. Не настаиваю.

Он задумался над отказом. И ровно через полминуты раздался смех.

— Ой, простите. Как же смешно. «Я не буду настаивать».

— То есть это «да»?

— Да, конечно. Всего-то шутка.

— Весьма правдоподобно с вашей стороны. Вы хорошо справляетесь.

— Простите ещё раз.

— Смерть вашего брата на вас сильно не повлияла, не так ли?

— О, да. Это точно. Я хорошо держусь. Стараюсь лишний раз об этом не думать, а уж тем более — говорить.

— Простите, мне не стоило...

— Да бросьте, не берите в голову. Всё когда-то исчезает.

— Да, верно. Вы правы.

— Берегите себя, Константин!

— Как? Откуда вы?...

— До скорого!

И она ушла. Необъяснимо испарилась.

Глава 9

Когда Константин находился в мемориальном тропическом ботаническом парке Бениньо Акино (Ninoy Aquino Parks and Wildlife Center), прогуливаясь вдоль и поперек него и разглядывая экзотические красоты этого места, он совсем не заметил, как пролетело время. Стрелка его наручных часов уже давно перевалила за полночь, и всё, что ему оставалось, — это отправиться в мотель. После долгой одиночной прогулки у него еще оставались силы. Он мог бы провести в парке столько же времени, лишь бы отвлечься от всего, что с ним случалось ранее. Это значило только одно: как только начнет светать, он тут же, без раздумий, отправится в горы; к тому же он не был там уже достаточно

долго.

Преодолев небольшое расстояние до мотеля, он зашел в один из ночных окраинных супермаркетов, который находился неподалеку от бара «Былые времена». Взяв две бутылки по пятьсот миллилитров и немного еды на предстоящий день, он вышел из магазина и, взглянув на бар, подумал:

— Стоит ли зайти и навестить Кристиана и Марту, этих забавных местных жителей?

Он находился левее от него стоявшего. Посмотрев по сторонам, он, стало быть, чуть не решился остаться. Он был готов отложить свои завтрашние планы, но намерения на следующий день взяли верх. Пройдя немного дальше в ту сторону, он стал медленно приближаться и обнаружил, что там никого нет. Не горел даже свет. Совершенно никого. Тьма тьмущая. Бар был ночным и, судя по всему, должен был работать в это время суток. Не было даже таблички, которая объяснила бы причину закрытия — только он и абсолютная пустота с тишиной. Направляясь к мотелю, он начал гадать:

— Может быть, что-то стряслось? Или его прикрыли?

Впрочем, это не было для него удивительным, поскольку заведение давно следовало закрыть: всё было полуразваленным. С каждым разом со стен сыпалась известь, как только открывалась дверь; она хлопала так сильно, что всё помещение вибрировало, словно после землетрясения самого высокого балла. Правда в том, что бы тут ни произошло, он этого больше никогда не узнает.

Находясь высоко, самым ранним утром, на одной из филиппинских гор, он вовсю дышал полной грудью, вдыхая высокогорную свежесть, и не мог даже представить, что Лаура, которая так тщетно пыталась связаться с ним, не знала, что он на пике, где сигнал никаким образом не мог пройти сквозь толщу гор.

— Ох, Лючия, Лючия! — вздыхая, произнес он.

За два часа до подъема, находясь внизу, Лючия отказалась идти по каким-то неведомым причинам, мол, ей нужно как можно скорее вернуться обратно. Поведение, которое овладевало ею, было до странности необычным. Зато одно можно было сказать со всей точностью: куда бы он ни отправлялся, все казалось ему странным — то ли люди вели себя подозрительно, то ли он сошел с ума.

Внизу виднелся еще не рассеявшийся туман, который медленно плыл в разные стороны, а где-то вдали, над туманом, летели к горизонту навстречу рассвету

большие птицы, подобные драконам.

Все эти виды, окружившие его и расцвеченные всеми возможными красками, расплывались в его глазах.

Проведя день в полном одиночестве на склонах, он неторопливо отдалялся от Ист-Авеню и только ближе к полуночи оказался в номере. Подъем и спуск отняли у него очень много сил, поэтому он, не скинув одежды, рухнул на скрипучую кровать. Не было сил даже поесть или попить. Он потянулся за телефоном и с закрытыми глазами нащупал его, расстегнув вялой рукой нижний правый карман.

Одиннадцать пропущенных звонков и три сообщения — все от Лауры. Одно из сообщений, где было написано имя «Марк», врезалось ему в глаза, и он тут же приподнялся И вскочил, как будто его иссякшие силы внезапно вернулись.

— Алло? — шепнул он, медленно поднося телефон к уху. — Лаура?

— Костик?!

— Прости, не мог говорить. Что с Марком?

— Прости меня, — раздался грустный, едва слышимый плачущий голос Лауры.

Лаура знала Марка так же хорошо, как и он. Отсюда ее рассеянность и горечь.

— Да что за таинственность? За что простить? Объясни!

— Он оказался там случайно! Я…я…я не смогла!

— Случайно где? И что не смогла?

— Я… я не знала, как правильно поступить! — заикалась она.

— Эй, эй, Лаура, послушай! Что бы там ни произошло, ты не должна себя винить. Успокойся, соберись и расскажи мне всё.

— Я не уверена.

— Нет, уверена.

Его ясность была необычайной. Контроль, который он ощущал, держал его до последнего.

Однако и его самого охватывал понятный ему испуг; руки дрожали, и он, шатаясь от страха, прижимал телефон к вспотевшему уху.

— Всё началось на парковке у офиса, где его, в принципе, быть не должно. Я видела, как один из его якобы приятелей бросал угрозы в его адрес, когда я проходила мимо, здороваясь с ним. Кроме них двоих, стояло ещё трое мужчин. Мне не показалось: я отчетливо расслышала проскользнувшие мимо меня странные слова одного человека, стоявшего напротив, что-то вроде: «И учти, не пытайся от меня удрать, я тебя всё равно достану, где бы ты ни находился». Его вид был ужасен, и я тоже пришла в ужас. Я хотела вызвать полицию, но не решилась. Мне стало крайне любопытно. Когда они разошлись, я проследовала за ним, но это не продлилось долго: на площади Пьяца-Унирий было не протиснуться, стоял громкий гул толпы, и он просто растворился. Я не смогла его остановить. Я его упустила. Он ускользнул. Он… он исчез. — заикаясь и быстро, на одном дыхании говорила она.

— Эй, эй, спокойно, ты не виновата.

— Я не могла ничего сделать. Мне было страшно.

— Ты запомнила тех людей?

— Да. То есть не совсем. Я пыталась снова дозвониться до него, но связь не проходила.

Телефон молчит. Может, следует обратиться в полицию? Он в большой беде, Кость. Ему нужна помощь.

— Во что он мог ввязаться? — подумал он.

Тем временем Константин сидел за шатким столиком в помещении, пропахшем сигаретным дымом; в кармане его тонкой куртки уже лежал билет в один конец до Тимишоары. Взгляд на стрелки часов, указывавшие на три тридцать, заставлял его кивать, а глаза — смыкаться.

Постоянное чувство усталости и желание уснуть вернулись очень быстро, и, поддавшись им, он уснул сидя на стуле за этим старым шатким столом, с разряженным телефоном в руках.

Наутро он очнулся, чувствуя отекшие руки и сильную головную боль. Задержка рейса, две пересадки, тяжелая и удушающая дорога давили не столько физической усталостью, сколько напряженностью неизвестности. В его голове витало огромное количество различных версий, но лишь смутные намеки приводили к тому, что, по всей видимости, это была какая-то секретная сделка.

Добравшись, Константин увидел, что Лаура ждет его. Как только она открыла дверь, всепоглощающая его тревога немного отступила. Ее спокойствие и

проницательность стали для него неожиданностью, а прежняя сентиментальность уступила и замаскировала те, привычные ему эмоции и куда-то внезапно испарилась. Выражение ее бледного лица было непредсказуемым, а холодные руки молча и упрямо обняли его. Ее добрый нрав вдруг сменился суровостью, а нежность резко обернулась мужественной смелостью.

— Выглядишь так себе. Довольно паршиво. Ты что, шел на своих двоих? — равнодушно спросила она, вглядываясь в его щетину.

— Спасибо! Долго объяснять. Лучше ответь, как ты себя чувствуешь?

— О, вполне неплохо.

— А! Ну конечно.

— Я… я рада тебе. Спасибо, что ты сейчас здесь. Я устала, и мне все еще страшно.

— И мне. Тебе спасибо. Все образуется, вот увидишь. Мы что-нибудь придумаем. В голове не укладывается: ты переживаешь больше меня.

Они улыбнулись друг другу. Бледное лицо Лауры порозовело, а руки стали горячими. По ним вовсю циркулировала кровь, заставляя кожу влажнеть.

Глава 10

Шесть месяцев поисков Марка не дали ничего: ни зацепок, ни записей с камер, ни единого звонка. Обойдя каждый уголок Тимишоары, они были так же бессильны, как и госслужащие, и с каждым днем надежда все гасла и гасла.

Простояв час-другой на мосту Децебала и поглядывая на свое отражение, которое кривилось от волн, создаваемых проплывающими утками, он, параллельно кидая небольшие ломтики батона, вспомнил, как однажды Марк, на том же месте и в то же пасмурное время, говорил о чем-то неважном.

Ностальгия и грусть накатывали. Вместо дальнейших путешествий он получал еще долгие месяцы томительного ожидания, когда надежды уже не оставалось, а каждый новый день был до боли похож на предыдущий. Вскоре и органы сдались: они допрашивали тех людей и, не обнаружив никаких мотивов, закрыли дело, списав все на банальное желание взрослого человека начать новую жизнь. В его глазах можно было с легкостью прочесть ту безысходность, которая была когда-то.

Из-за спины послышался дрожащий, но ласкающий и нежный голос. Обернувшись, он увидел стоявшую и дрожавшую Лауру. В ее руках выделялась прозрачная папка, в которой, вероятно, лежали какие-то сведения об исчезновении Марка. Он подумал о том, что это могло быть связано с ним.

— Какие вести? Есть что нового?

— К сожалению, как понимаешь, нет. Привет!

— Привет!

— Ну как ты? Держишься?

— Да, что-то вроде. Есть какие-то зацепки? Может, что нашла?

— Нет, всё как прежде. Часть этих документов мне передали его родственники — точнее, копии, или то, что от них осталось, — а частью поделилась полиция.

— На что ты пошла ради этого? Как они тебе их просто так дали?

— Кто? Семья или полиция? О, стоило только попросить. Я подумала, быть может, они тебе пригодятся.

— Как бабушка? Наверняка ей тоже это известно?

— Да. И, как ни странно, она сочувствует.

— У него остались мама и тётя. Наверное, будет лучше навестить их.

— Я только оттуда. Они горем убиты. Они ждали и тебя, но ты не пришёл и, как обычно, не отвечаешь на вызовы.

— Месяц назад, в той квартире, где он жил, я пробыл около часа, и там я чувствовал, как время было остановлено, и не только для него.

Этот час казался мне целым днем. Я проходил каждый угол, я обошел все возможные места этого помещения, я перечитывал одно за другим его сообщения и не мог поверить так, как верю теперь. Никакого упоминания. Абсолютно. Все пусто.

— И что дальше? Оставим все как есть?

— А что мы можем? Даже полиция не справилась. Нужно остановиться. Полгода, Лаура, полгода прошло.

Другим днем, когда Константин проходил по букинистическим магазинам, а после посетил библиотеку (подобное место, где работала Лаура), он задумывался над тем, как бесследно пропал Марк. В его руках был старинный небольшой томик какого-то редкого произведения, в которое он даже не вникал.

Перелистывая одну за другой протертые страницы этой книги, он заметил, что пропечатанное, уже выцветшее имя «Марк» бросалось ему в глаза. Он рывками пальцев перелистывал страницы и стал вникать еще больше: на каждой перевернутой странице, в каждом новом предложении оно попадалось ему и мелькало через слово.

День за днем, на протяжении всей недели, куда бы он ни направлялся, ему всюду мерещилось его имя. То на каком-нибудь проезжающем транспорте на рекламной наклейке большими буквами было напечатано: «Ваш специалист по недвижимости! Помогу продать берлогу и купить квартиру! Риелтор Марк, звоните»; то проходящие мимо незнакомцы разговаривали о чем-то, и он краем уха случайно расслышал, как один обращался к другому: «У меня к тебе небольшая просьба, Марк»; то на каждом баннере или вывеске красовалось его имя — часть никому не нужной рекламы, до которой (до определенного момента) ему никогда не было дела. Это сводило его с ума, особенно наводила на мысли невозможность получить помощь от родного города Тимишоары. Город не только не помог, но словно стер его из реальности, оставив единственный след — его имя. Конечно, трудно сказать, что они были близкими людьми, но тот день, когда он исчез, дорого ему обошелся. Дни, когда они могли встретиться, превратились в необратимую ценность момента, когда сама циничность стала чем-то большим. К большому разочарованию, на всё требуется время, и с этим самым временем ты начинаешь ценить всё лишь тогда, когда понимаешь, что уже поздно.

Если человек утратил то, чего уже не существует, он никогда не поймет этого вовремя. Ничто так не сближает людей, как сама смерть.

Воспоминания накатывали с новой силой, принося с собой похожие дни.

Портсигар, лежавший на подоконнике у Константина, напомнил о себе. Несколько лет назад Марк отдал его ему со словами: «Сохрани его». С тех пор вещь хранилась у него без дела.

Потянувшись, Константин медленно взял портсигар и сжал его в руке с такой силой, что почувствовал теплую влагу: острые края металла уверенно сделали свою работу, глубоко впившись в ладонь. При этом он даже не дернулся и не ощутил никакой боли. Темно-красные густые капли крови, разбившись об пол,

быстро превратились в засохшие пятна, а он, разжав пальцы, смотрел на порезы, не моргая и не отводя долгого взгляда.

Повседневная жизнь еще долго не давала ему забыться и оставить всё, продолжая жить дальше. Тот самый портсигар настолько упорно мозолил ему глаза, что он пришел в бешенство.

Он, стало быть, подумывал, как бы избавиться от него. Что он только не перепробовал: и убирал его с глаз долой, но предмет всё равно оставался в его памяти; и пытался всучить его Лауре, не задумываясь о том, зачем он ей. Он даже хотел закопать его под крепостью Бастион Марии Терезии в надежде на облегчение своего «достаточно нечистого разума», ведь ежедневные умственные нагрузки сдавливали и чуть ли не вскрывали его черепную коробку, тем самым вызывая сильную мигрень (хотя у него ее никогда не было). Да, определенно, это было неправильно, но из этого всё равно ничего не вышло — он так и не смог избавиться от него.

Встретившись с Лаурой, он увидел, что она заметила его перебинтованную руку и тревожно спросила:

— О боже мой! Что с тобой? Ты меня все чаще и чаще пугаешь, Кость!

— Ой, да ладно тебе, брось. Все нормально.

— Что? Нет! Явно ненормально.

— Всего лишь порез. И все.

— Я не об этом. Ты не смог?

— Ты о чем?

— Та вещица!

— А, это. Нет! У меня не получилось.

— Ах, Кость, давай кое о чем договоримся? Сможешь мне пообещать?

— Д...да. Наверное. И что же?

— Я хочу, чтобы ты начал жить. И дело тут вовсе не в Марке. Это никаким образом не связано.

— Ч...что?

— Думаешь, я слепа? Глупа? С самого твоего детства я видела тебя насквозь. Я тебя заучивала, как заучивала наизусть какое-нибудь произведение. Я давно знаю, что все твои страдания и мучения заводили тебя в тупик. Я знаю абсолютно каждый твой шаг. И я буду знать всегда, куда бы ты ни направлялся. Я знаю, что ты не мог найти своего места в жизни, но все изменилось. Все, к чему бы ты ни притронулся и к чему бы ни пришел раньше, становилось понятным тебе. Как только ты что-то познавал, вдруг становилось все однотонным и скучным.

— Откуда ты...

— Ты знаешь, что знаешь, а я знаю, что я знаю. Каждый что-то да знает. И я также знаю, что ты недоговариваешь мне всего. Ты рассчитываешь на то, что я не одобрила бы любого принятого тобою решения, но это не так. Пообещай мне вот что: ты должен, нет, ты обязан жить эту жизнь. И я уверяю тебя, ты уже это нашел. Уезжай отсюда, и поскорее.

Он стоял как вкопанный, совершенно онемев.

Его дар речи исчез бесследно, как и сам Марк. Что бы он ни пытался выговорить, Лаура понимала всё. Она одновременно и радовалась, и испытывала сожаление, в то время как он от изумления, заставшего его врасплох, стоял с отвисшей до земли челюстью. Её загадочная улыбка пыталась что-то донести до него в весьма странной форме. Складывалось впечатление, что за него уже всё решили, определив его дальнейшую судьбу.

Увлекшись разговором, он отвлёкся от мыслей, которые когда-то давно поселились в его голове и теперь непрестанно глумились над ним. Сутки — именно столько требовалось, чтобы прийти в полное здравие ума, избавившись от лишних задумок и размышлений. Со временем, приходя в себя и глядя на Лауру, которую будто подменили, он стал замечать лишь относительную нейтральность, лишённую как позитива, так и негатива. Стало быть, он прислушивался к ней, постепенно соглашаясь со всем, что слетало с её уст.

— Знаешь, ты поражаешь меня не тем, что прогоняешь, а тем, что знаешь... Знаешь лучше, чем кто-либо другой.

Она рассмеялась и лишь поблагодарила.

— Спасибо!

— Нет, что ты, тебе спасибо! Я должен тебя благодарить за всё. В особенности за то, что предоставила возможность полюбить жизнь по-своему. Ты помогала

мне с самого начала, и я всегда буду тебе признателен. Спасибо огромное, ты лучшая из всех, кого я знаю всю свою жизнь, сколько себя помню.

— Я сейчас расплачусь. Я очень чувствительна к таким вещам.

— Да, я это знаю. Лучше тебе быть такой сентиментальной, чем той, необычайно разбитой. Когда я вернулся, ты была так холодна ко мне, что я подумал: возможно, ты либо сильно устала, либо я тебе уже надоел.

— Что? Нет, конечно нет. Просто слегка прихворала, и да, ты верно подумал — я подустала.

— Я рад, что тебе уже лучше.

— Спасибо. Ну, что надумал? Не хочешь увидеться с Дойной?

— Пока ничего. Нет, думаю, в другой раз. Ещё будет много возможностей, так что... Что-то не так? — он резко прервался и неимоверно перешел к вопросу, ничуть не заставив её волноваться. — Почему ты так хочешь от меня избавиться?

— Не поверишь, ничего. Конечно, не торопись, взвесь всё, — ответила она очень кратко и понятно.

— А, ну ладно.

Он, прищурив на неё глаза, а затем на долю секунды отвернув голову, подумал, что она что-то скрывает, но все вопросы сразу же отпали, как только он издали увидел то самое место, где когда-то, в далёком прошлом, они с Лаурой часто бывали, и его сомнения тут же развеялись.

Поздним вечером, пройдя от набережной к парку, они еще долго рассуждали о незакрытой теме: куда отправиться Константину на этот раз.

Ловко уворачиваясь от ответов, он перешел к вопросам, которые долго ждали подходящего момента.

— Ну а что ты? Разве ты не хотела бы куда-нибудь поехать?

— Я? О нет! Мне и тут комфортно.

Казалось, раньше, когда возможностей и средств было уйма, можно было выбирать места и подходящие условия для жизни в других городах и странах, но что мешает теперь?

— Понимаешь, я уже настолько привыкла к своему маленькому уголку, что даже боюсь покидать его. Скорее всего, я большая трусиха, которая боится выйти за рамки, покинуть свою зону комфорта и начать новую, скромную, одинокую жизнь.

На какое-то недолгое время диалог прервался, и все затихло. За неудобным молчанием не находилось другой темы, чтобы разрядить обстановку. Они просидели в мертвой тишине около пятнадцати минут, лишь замечая то, что их окружало.

Зеленоватость ночного парка завораживала даже в самое темное время суток. При свете фонарей, под аккомпанемент стрекота ночной саранчи и звуки других насекомых, можно было бы провести всю ночь, наблюдая за всем живым в округе, если бы не холодный, поднявшийся из ниоткуда ветер, который заставил их очень скоро покинуть это чудное место.

Поднявшись со скамьи, Лаура произнесла с малозаметной опаской нечто подобное шепоту.

В темноте невозможно было разглядеть ее лица, а свет от ярко сияющих фонарей на нее совсем не падал. Он расслышал ее только тогда, когда она произнесла во второй раз:

— О чем задумался? Ты меня слышишь?

Он встрепенулся и переспросил:

— Что? Ты что-то говорила?

— Мне показалось, ты замерз и уснул.

— Подзадумался.

— О ч…

— Фантастическое место, — перебил он, — спасибо.

— Идем. Я тебя провожу.

— Может, я тебя провожу?

Они удалялись, лишь слыша и чувствуя встречный ветер, который ласкал слух и обдувал их лица.

Глава 11

Месяцем после, когда Константин не покидал Тимишоару, он намеренно не стал уличать Лауру в неправдивых словах. Голова, опустевшая от разнообразных жизненных мыслей и воспоминаний о Марке, в последнюю неделю освежила ему память.

Сутки, всего какие-то сутки, проведенные с сестрой, избавили его от излишней серьезности и восприимчивости. Он убивал часы, которые должны были неторопливо идти с ним в ногу в его новой главе; он выкуривал по две пачки в день на протяжении всей этой долгой, тянувшейся недели; он перебирал и переворачивал все в своей голове, каждую малейшую деталь, размышляя, как могло бы все сложиться. Он думал лишь о том, что Лаура — та самая его Лаура, которая навсегда останется единственным другом и дорогим человеком, — будет в самые темные времена откликом голоса в его одинокой жизни и больной душе, завлекающим в свет; и пусть расстояние, внушавшее им, что стоит лишь прекратить общение, оставило все прежним.

Думается, раньше поддаваться скованности, нерешительности и быть потерянным для него считалось нормой. Отныне же стараться думать обо всем этом, где он был иссякшим до нуля, превратилось в нечто неважное.

Помнится, все его знакомства с многочисленными замечательными людьми не приводили к крепкой дружбе; всех, кого он знал, давно забыл, но странность вот в чем: он не чувствовал себя столь одиноким, как раньше, — он чувствовал некую свободу.

Депрессия, потеря всякого смысла, отношение к самому себе и миру — всё это приводило его в такое долгое молчание, какого он прежде не ощущал. Одиночество, при котором не испытываешь никакой другой боли, затягивало так глубоко, что он был рад этой пустоте внутри, но наслаждение ею переросло в его самый большой и страшный кошмар. Оно казалось «настоящей» свободой, убаюкивало его в иллюзии и дарило якобы лекарство, но это самое лекарство превратилось в капкан.

Полюбивший когда-то тишину и уединение, погрязший во всем этом, он стал люто ненавидеть одиночество.

Все было до тошноты однообразным: смех и грусть, обиды и ссоры, люди и никому не нужная, абсолютно не важная всемирная болтовня, схожая с глупыми репликами. Он заранее знал, что скажет прохожий, о чем завяжется очередной спор и чем закончится любой примитивный день; люди стали прозрачными, скучными и невыносимыми в своей предсказуемости. Все это сильно выматывало, превращая его в неразумного дикаря каменного века или зверя,

для которого остался лишь один главный смысл — выживать.

Плюс ко всему перечисленному добавлялась еще одна проблема — пропажа Марка, которая тоже весьма сильно добивала. Все, что ему оставалось, — существовать, пока он дышит, с громким и равномерным биением сердца, без определенных целей и планов.

Уставившись на свое отражение в чистое и честное зеркало, не способное ко лжи, он разглядел совершенно другую личность.

Постепенное проявление осознания привело его к таким мыслям о смирении, что все его препятствия и действия на самом деле ничего не значили. Ему думалось так легко, как не думалось никогда прежде. Все перестало иметь смысл, и это его обрадовало, потому что все, что бы он ни пытался сделать, со временем становилось познанным. Лаура была права, когда говорила, что все, к чему бы он ни притронулся, становилось ему понятным. Как только что-то понимаешь и чему-либо учишься, это перестает иметь продолжение, и скука начинает владеть тобою. Но цена, которую он платил своими силами и здоровьем, чтобы что-то познать и сотворить, была не столь велика и не имела никакой важности. Отсюда нескромный вопрос: а раз уж существование не имеет никакого веса, то должно ли вообще это кого-то волновать или пугать? Стоит ли наслаждаться этим бездействием, когда ничего невозможно забрать? Нужно ли вообще обрести хоть какой-то не вечный смысл?

Он все еще стоял неподвижно и пристально глазел на себя со стороны, понимая, что его смысл теперь — не тот, что останавливал его раньше, а тот, где можно просто прожить в свое удовольствие и наслаждаться текущим, не зная куда, временем.

Его однокомнатная квартира и всё то, что в ней находилось — каждый предмет, вне зависимости от того, мелкий он или большой, и каждый уголок — стали напоминать ему о собственном бессилии. Решение увидеться с

Лаурой в последний раз было правильным, но с другой стороны — неверным. Он задумывался, как бы это не стало самой последней встречей.

Но позволить оттолкнуть единственного родного человека было бы самой роковой ошибкой. Немедля собравшись и быстро зашнуровавшись, он выбежал из этой квартиры, которая всеми силами давила на него. Он больше ни на минуту не мог там находиться.

Когда он, идя медленными шагами, приближался к её дому, лицо его стало крепче любого камня. Остановившись у двери, он поднял руку. Как только он

хотел постучать, дверь тут же отворилась.

— Прости, что так внезапно, — умоляюще смотрел на неё он.

— Ничего страшного. Я как раз освободилась. Увидела тебя в окно. Зашёл попрощаться?

— Да!

— Что ж, попробуй только исчезнуть!

Он улыбнулся и пообещал не теряться.

— Ну, что придумал? Чем займёшься? — радовалась за него она.

— Путешествовать! Покорять мир. Пожалуй, посвящу себя этому.

— Это замечательно! Просто здорово! Кстати, распишись, пожалуйста.

— Ч... что это?

На столе лежал договор: подписываясь, он давал полное согласие на поддержание связи любым удобным способом, во что бы то ни стало, в любое время дня и ночи.

— Шутишь так?

— Ну конечно...

Недолгое молчание.

— Нет! Еще раз: я тебя знаю, ты способен на исчезновение. Даже сейчас — взял и пришел без предупреждения.

Он тут же быстрым рывком обнял ее, и ее глаза покрылись кристально чистой оболочкой соленых слез. Они простояли обнявшись еще около двух минут; затем, когда они отцепились друг от друга, на его плече виднелись мокрые пятна.

— Ладно... Что с квартирой? — вытирая мокрые глаза платком, спросила она.

— Я сдал ее.

— Вот, держи, — протягивая ему деньги, — лишними не будут.

— Не... нет! Я не могу, прости. Я не возьму. Все отлично, я ни в чем не нуждаюсь.

В итоге она все равно настояла на том, чтобы он их взял.

— Пожалуйста, только не забывай. И помни, что твоя подпись на этом листе!

— Ну как я смею? Никогда!... Обещаю, что теперь все будет иначе. Прежним ничего не будет.

Они рассмеялись, после чего, крепко обнявшись еще раз, вдоволь поблагодарили друг друга (особенно он ее) за все. Слезы радости и счастья, перемешавшиеся с грустью расставания, заставляли надеяться на лучшее.

Не оставаясь ни на минуту больше, он неимоверно стремительно таял вдалеке, дав трепетные обещания Лауре, а потом бесшумно и аккуратно скрылся — ушел.

Глава 12

Невероятно теплая зимняя ночная Прага встретила его весьма радушно, с распростертыми объятиями, став символом новой главы — той главы, где тает прошлое.

Гигантские сугробы, лежавшие повсюду на улицах, казались только что выпавшими и приветствовали его. Вся Прага светилась в это снежное ночное время так, как днем вряд ли увидишь: белый свет, исходящий от уличных фонарей; окна жилых домов, светящиеся ярко-желтым цветом; центральная площадь, заполоненная людьми, — всё это будто было живо и дышало светом гирлянд, обмотавших каждый уголок так, что не оставалось ни одного темного местечка. Весь город сиял миллионами разноцветных огоньков, ярче любой звезды в ночном небе, затянутом расплывающимися тучами, которые осыпали всех крупицами крупных снежинок, подобных манне. Замечая и наблюдая всё вокруг, он вдохнул свежий воздух, почувствовал, как его сердце наполняется новым светом, а затем шагнул в сторону ночной кофейни. Войдя внутрь, он присел за столик у окна, закинув ногу на ногу. Его вид был гораздо лучше, чем когда-либо. Ночное времяпрепровождение раскрывало в нем чувства человека, способного созидать свою жизнь, ощущая расслабленность без каких-либо ненужных тревог. Всё это помогало ему обрести гармонию и комфорт с самим собой.

Официантка с бейджем «Лина» подошла к столику, за которым сидел Константин, с внимательным взглядом и легкой улыбкой и вежливо спросила:

— Что-нибудь еще? Ничего не желаете больше?

— Ничего, — спокойно ответил он. — Больше ничего.

— Вы здесь впервые? — спросила она, чуть наклонив голову. — Я вас раньше не видела. Обычно у нас в это время одни и те же лица.

Он поднял голову и, взглянув на нее, подумал: «Почему постоянно одни и те же вопросы, куда бы я ни отправился? Может, в этом-то и суть знакомств? Может, на этом-то всё и держится?» Впрочем, это его ничуть не беспокоило. Он был полностью открыт, а затем кивнул и ответил:

— Да, в первый раз.

Лина оперлась рукой о край стола, будто хотела задержаться на минуту дольше.

— Прага в зимнее время бывает обманчива, — сказала она, понизив голос, словно делилась секретом.

Константин чуть улыбнулся — искренне. Вспоминая Лауру и то время, когда он был по-настоящему искренен с ней там, в Тимишоаре, он заставил себя немного приуныть и погрузиться в ностальгические флешбэки.

— Звучит так, будто вы знаете, о чём говорите.

Официантка пожала плечами, но в её взгляде мелькнуло что-то тёплое:

— У меня тут своя маленькая история. Думаю, что и у вас тоже она есть, как и у каждого.

— Знаете, вы очень смелая, — твёрдо сказал он, глядя ей в глаза, — это хорошо.

— Вы не знаете чешский?

— Нет! Где бы я ни был, приходится говорить на английском.

— Благо, что он такой распространённый.

— Да, это верно.

— Слушайте, могу посоветовать, куда стоит сходить, чтобы почувствовать этот город? Не туристические места, а такие, где Прага становится почти домашней.

— Пожалуйста, — ответил он, — я слушаю.

Лина присела на край соседнего стула, не обращая внимания на то, что ей, наверное, стоило бы вернуться к работе, и начала рассказывать про узкие улочки, где горят красивым белым светом фонари; про маленький книжный магазинчик, в котором пахнет старой бумагой и корицей; про мост, с которого лучше всего смотреть, как город зажигает огни.

И Константин слушал, впервые за долгое время позволяя себе не думать вообще, а просто быть здесь — в тёплой зимней Праге, среди чужих историй, которые вдруг стали казаться ему своими.

В окна слегка бился прохладный ветерок, унося с собой воспоминания о прошлом. Страхи о былом опали, как весной опадают высохшие сезонные листья с деревьев, которым давным-давно было пора — как было пора и Константину оставить всё.

Падающий медленно и ровно снег стал быстро разлетаться в разные стороны, осыпая всё, что только можно было засыпать и куда только можно было лечь.

От исчезнувших мыслей, которые больше не кружились и не цеплялись за обрывки воспоминаний, здесь, в этой уютной кофейне, где было практически безлюдно, среди приглушённого желтоватого света и шёпота разговоров с запахом свежего кофе, всё перестало казаться таким громким и острым.

Привыкание к чему-то новому быстро становилось его частью, как эти древние мощёные улочки и шпили готических соборов, старинное пражское кафе, где он пил горячий кофе — как и раньше, любил находиться в кофейнях, — наслаждаясь ароматом свежемолотых кофейных зёрен и рассказами официантки Лины, чувствуя постепенную сонливость, которая уверенно накрывала.

Наутро он очнулся в однокомнатной квартире, похожей на студию, где не было других комнат, даже кухни, и которую он забронировал и снял на улице Пржикопе ещё двое суток назад. В этом, как казалось, шумном центре был основной поток людей; разговоры всех тех, кто просто проходил мимо и говорил о чём-то или о ком-то. Они были слышны вперемешку с звуками шин и противно-скрипучих тормозов абсолютно любого транспорта, но теперь не имели никакой важности и не влияли на него своей назойливостью. В комнате пахло свежей краской и деревом — квартира была совсем новой для него, и это нравилось. Здесь не было воспоминаний, въевшихся и спрятанных во все четыре угла четырёх стен, — только чистый лист, совершенно новая часть его продолжения и тихий зимний вечер, который будто шептал: «Теперь можно дышать».

Он глубоко вдохнул и бросился к коробке с вещами. В ней он обнаружил давнюю детскую фотографию с Марком и Лаурой и, не раздумывая больше, вытащил её из-под дна глубокой коробки, где она торчала углом, выглядывая из-под рукава кофты. Минуты три он вглядывался в неё, пытаясь разглядеть малейшие детали на заднем плане, после чего его рука расслабилась, и снимок выпал из ослабевших пальцев, будто «на отдать».

Движение вышло резким, но в нём не было злости — только облегчение, похожее на выдох после долгого погружения под воду.

Утро было необычайно тихим, и он незамедлительно решил открыть окно в надежде хоть что-то расслышать. Он подорвался с места и чуть ли не бегом направился к нему. Застыв у окна, он вдруг понял, что впервые по-настоящему не просто смотрит, а прямо сверлит своими зелёными, сияющими от поднявшегося из-за горизонта солнца глазами. Оно слепило его, но это не мешало наблюдать то, чего он никогда ещё не замечал. Он видел это не мельком, не сквозь пелену зимнего заснеженного утра, а так, будто теперь это имело право быть замеченным: на карнизах домов повис вчерашний снег, на окнах были видны нити лёгкого инея, похожие на застывшую музыку — хрупкие, звенящие, почти невесомые. Он смотрел на них ещё минут десять, пытаясь разглядеть повнимательнее.

Глубоко вдохнув, он уловил целую симфонию запахов и звуков: терпкий аромат жареных каштанов, лёгкий, едва уловимый запах воска и дерева, будто где-то совсем рядом зажгли свечу в старом доме, и классическую мелодию виолончели, доносившуюся снизу, этажом ниже.

Он улыбнулся — просто потому, что вдруг всё стало таким простым и ясным.

Выйдя на улицу, он шёл не спеша, будто боялся пропустить что-то важное; много удивительных вещей, которые не значили так много, но радовали больше. Он замечал, как брусчатка отсвечивала тусклым серебром, будто кто-то накануне рассыпал по ней тонкие монеты, а теперь они поблёскивали в первых лучах солнца, выглядывая из-под уплотнившегося, сдавленного снега; как на кованых решётках виднелись тончайшие кружева, превращая обычную железную вязь в произведение искусства; как в витрине антикварного магазина поблёскивал старый медный поднос: в его тусклом отражении плясали огоньки от света ламп, и казалось, что в этом металле живёт память о сотнях вечеров.

Остановившись, он увидел, как идет пожилой мужчина с собакой. Его глаза медленно повернулись вправо, следом за прохожим, отмечая их неторопливый, размеренный шаг, и ему тотчас захотелось присесть, просто сидеть и смотреть, ни о чём не думая.

Обращая свое внимание на маленькую булочную за углом с деревянной вывеской, потемневшей от времени, он разглядел из приоткрытой двери вырвавшийся сладковатый дух свежей выпечки — такой тёплый запах, что, смешавшись с прохладой воздуха, он манил его, словно загипнотизированного.

Солнце стояло низко, но грело по-особенному мягко, заставляя капель играть звуками весенней мелодии, будто весна поселилась в этом чудном городе раньше срока. Он, как незаметный и спокойный гость, сел на улице в тени, под навесом, загораживавшим низкое солнце, за столик напротив окна заведения, с бумажным стаканчиком кофе, кутаясь в шарф выглядывавший из под его пальта. На столе перед ним лежала раскрытая книга, но он почти не читал: ему нравилось наблюдать. Он повернул голову и разглядел в пяти метрах от себя, как почтальон в темно-синей форме аккуратно раскладывает письма в старинные почтовые ящики. Константин ловил себя на том, что замечает даже самые незначительные детали: как почтальон трудится не спеша, разнося благие вести, словно само дело приносит ему удовольствие, которое обернется пользой для тех, кто жаждет наблюдать за происходящим вокруг; как пар из стаканчика с кофе поднимается тонкими струйками и растворяется в холодном воздухе; как солнечный луч скользит по стеклу витрины и на секунду зажигает в нём яркую искру; как тень от фонаря ложится на стену дома, вытягиваясь и укорачиваясь по мере того, как солнце меняет свое положение. Эти мгновения не значили ничего особенного, но именно они стали тем фундаментом памяти, к которому хочется возвращаться снова и снова. Проще говоря, все эти малейшие детали, так искусно подмеченные, раскрепощали его, превращаясь в долговечные воспоминания; они были как маленькие подарки, которые повседневная жизнь раздавала тем, кто был готов их увидеть. Вдруг взгляд зацепился за знакомое лицо. Та самая девушка — та, с которой он пересекался в кофейне вчера вечером. Она ловко двигалась между столиками, поправляла салфетки, улыбалась пожилой паре, сидевшей поодаль, левее его. Солнечный свет освещал их так чисто, точно сами ангелы спустились с небес, а сами пожилые люди совсем не были похожи на обычных стариков. А потом она подняла глаза — и их взгляды встретились. Константин замер на секунду, будто не верил своим глазам. Потом улыбнулся, сам не зная, рад он или просто удивлен.

— Я... я глазам своим не верю, — пробормотал он.

Он сидел изумленный, потеряв дар речи, и слегка взбудоражился, увидев ее, а потом воскликнул:

— Что вы тут делаете? Разве вы...

— А-а... да... — на секунду запнувшись ответила. — Предполагаю, что вы все правильно понимаете. Тут и гадать нечего.

— Что вы, отнюдь. Я не читаю мысли. А как же... или...

— Не преследуете ли вы меня? — в шутливом тоне перебила она его. — Или это Прага такая маленькая?

— Уверяю, что нет никакой необходимости в слежке. Вы правы, город действительно мал и так тесен. У вас вторая работа?

— Знаете, а вы догадливый. Вы все правильно поняли. Владелец один, так что я просто параллельно курсирую между двумя мирами: миром эспрессо и миром свежей выпечки.

— Два мира... Звучит как приключение. И вы в нём — проводник?

— Похоже на то, что-то вроде...

— Лина, не сочтите меня невеждой...

Она вздохнула, перебив его снова, и быстро спросила:

— Вы не будете против, если на «ты»? Мы друг друга старим.

— Оу... конечно, как угодно, — не смущаясь, продолжил он. — Так вот, вчера вы мне говорили про места, куда стоит наведаться, и я тут подумал: не составите ли вы мне компанию в качестве гида? Проведете экскурсию, «проводник»?

— Это свидание?

— Если вы не против, конечно.

И она, ни на секунду больше не задумываясь, ответила:

— Послезавтра, в субботу, на этом самом месте, в четыре вечера. Не опаздывай!

Они улыбнулись друг другу.

— Прости, мне уже пора. До встречи.

Она начала отдаляться, но заставила себя остановиться из-за послышавшегося голоса. Не успев даже развернуться в его сторону, она отчетливо расслышала, как он представился пониженным (что было крайне необычно) голосом:

— Константин! — улыбаясь, произнес он и поднес стаканчик с уже остывшим кофе к губам.

— Лина! — ответила она, смеясь и улыбнувшись в ответ.

Она скрылась из виду под его провожающим взглядом за дверью этой маленькой пекарни, а он снова, как и в прошлом, почувствовал эту неловкость, которая ввела его в неудобное положение и которой когда-то было дано название «скованность».

Глава 13

В субботний выходной день он прибыл ровно к четырем часам вечера, минута в минуту. Скрупулезности у Константина было хоть отбавляй, и подобная точность побуждала его к ответственности. Парадокс в том, что чем сильнее человек горит своей целью и чем больше боится упустить заветный шанс, тем выше вероятность, что он совершит фатальную ошибку или вовсе останется на месте.

В этот волнительный день и состоялась встреча с Линой.

Находясь на месте уже довольно долгое время (приблизительно около часа), он стал гадать о причине ее отсутствия, что заставляло ждать еще больше, как вдруг послышался звук открывающейся двери. Он повернул голову влево, но никого не обнаружил.

— Наверное, кто-то вышел, — подумал он.

Возвращая голову в исходное положение, он увидел перед собой Лину.

— Как ты?…

— А, это… Я обошла тебя с другой стороны. Прости, пожалуйста, что заставила ждать… полтора часа. Нам нужно было обменяться контактами, так бы я предупредила, что опоздаю. Мне так жаль, что я тебя подвела.

— Все нормально, расслабься, — спокойно улыбаясь, произнес он.

Она села на край стула напротив него и с глубоким вздохом спросила:

— Что ж… готов?

— Да, вполне, — хрипло ответил он.

Было заметно, что на улице начало темнеть, а они спускались вниз по узким улочкам Старого города. Разговаривая с Линой, он всё так же наблюдал привычные теперь виды: не как турист, спешащий сделать фото, а как человек, который начинает узнавать город, словно старого друга, и «читать» проходящих мимо людей. Приближаясь к Целетной улице (неподалеку от той, где Константин снял квартиру), они видели, как старинные фасады смотрят на них, будто знают все их тайны. Лина стала рассказывать об этом месте — да так, что

у него возникли вопросы.

Когда они проходили мимо, неспешно оглядывая всё вокруг (в частности, он), она начала:

— Неподалёку отсюда находится её историческое продолжение — Староместская площадь с Астрономическими часами, а с другой стороны — Пороховые ворота на площади Республики. Сама улица пропитана архитектурой разных веков, включая знаменитый Дом у Черной Мадонны в стиле кубизма.

— Что? — удивленно спросила она, заметив его взгляд.

Он смотрел на нее, не отводя глаз, так пристально, что заставил ее лицо покраснеть. Она быстро смутилась, а потом, смеясь, спросила снова:

— Да что не так? Ха-ха-ха.

— Ты точно официантка?

— Еще бариста. Ты ведь уже знаешь. А что?

— Работала гидом? Экскурсоводом?

— Однажды. А что?

— Превосходно поставленная речь, схожая с голосовым помощником-навигатором, который включается, когда я не туда забреду.

Она вновь рассмеялась, поблагодарила и продолжала рассказывать и показывать еще несколько минут, пока они окончательно не прошли улицу.

Пройдя по Овощному рынку, который примыкает к Целетной улице, где стоят дом «У Черной Матери Божьей» и Сословный театр, они добрались до Железной улицы.

— Это пешеходный проход и весьма важный культурный узел Праги.

Лина, разводя руками, указывала пальцем сквозь гущу людей туда, где стоит университет Центральной Европы и «сцена Моцарта».

— Смотри, это архитектурный памятник Каролиниум, видишь? Это главный корпус Карлова университета. Комплекс готических зданий перешел университету в тысяча триста восемьдесят третьем году. Сегодня здесь сохранился великолепный готический эркер (выступающее окно капеллы), а в залах проходят торжественные церемонии выпуска студентов.

— Д-а-а. Потрясающе.

Находясь в состоянии изумления от увиденного, он быстро спросил, чтобы не прерывать её:

— Что за здание?…

— А, то, что мы прошли? Я знала, что ты спросишь. Оно всем бросается в глаза. Это был Сословный театр. Это единственный сохранившийся в первозданном виде театр, где дирижировал Вольфганг Амадей Моцарт. Именно здесь в октябре тысяча семьсот восемьдесят седьмого года состоялась мировая премьера его знаменитой оперы «Дон Жуан». Рядом с театром установлена жутковатая скульптура «Плащ командора» (автор — Анна Хроми), посвященная этой опере.

— Удивительно. Кто ты такая? Откуда столько знаешь? Даже я не знаю столько про свой город.

— Ха-ха-ха. Спасибо. Я хорошо училась. Кстати, откуда ты? Из какого города и страны?

Сменив тему ненадолго, она стала интересоваться им, когда они приближались к тихому и узкому пешеходному переулку Камзикова, соединяющему Целетную и Железную улицы.

— Я румын, но вообще русский, живу в Румынии, в Тимишоаре… точнее, жил.

— Ничего себе, как интересно. И румын, и русский? Прямо так?

— Ну… на самом деле это долгая история. Если короче, то я родился в России, после чего перебрался в Румынию со своей старшей сестрой. Родителей я никогда не видел, даже не имею понятия, живы ли они вообще. Вот и все, весь сказ. Как-нибудь, когда-нибудь я изложу тебе все в деталях. От А до Я.

— А-а. Ясно. Понятно. Прости меня, — нахмурив бровки, видневшиеся из-под шапочки, она взглянула на него умоляюще. — Я не знала.

Ему стало стыдно, он умолк на минуту, а потом заговорил:

— Н-нет, ничего. Все равно я их даже не знал, так что…

— Знаешь, я и сама из России. Ну, жила там до определенного момента, пока не перебралась сюда.

— Ты серьезно?

— Да, правда. Ха-ха-ха.

— Вот так поворот. Невероятно.

— Но знаешь, у меня и у самой-то никого нет, если честно… ха-ха. Только я, единственная тетя и сестра Мира (хотя это уже что-то, чего достаточно), с которой не все ладно. После смерти родителей мы недолгое время жили вместе в Праге, а вскоре и вовсе разъехались. Она с маминой сестрой уехала в Катманду, ну а я осталась. И вот уже больше трех с половиной лет я живу здесь, в этом чудном городе. Так что… можно сказать, что отныне я местная.

— Что с тобой? — удивленно спросила она и взглянула на него, когда он резко остановился и застыл.

Он не верил своим ушам. Он стоял, не моргая глядя на нее, примерзший к месту, а Лина только и делала, что переспрашивала и аккуратно тыкала его в плечо.

— Что? Что не так? Ты в порядке?

— А?.. Да-да, прости, задумался.

Она продолжала знакомить его с окрестностями Праги, а он просто молчал, кивая на все то, что доносилось из ее уст.

— Продолжай, — произнес он, — я слушаю.

— Ну-у… ладно. Хорошо. Точно в порядке?

— Д-да. Да-да, конечно.

Он улыбнулся ей не так уверенно, но вполне убедительно, в надежде на то, что она продолжит говорить, лишь бы обдумать, что бы это могло значить.

— Ну… — она сделала глубокий вдох, а затем продолжила: — Ладно. Итак, как ты мог заметить, мы на самом узком переулке — Камзикова. Раньше он носил название Плейерова (Pleierova) в честь богатого патрицианского рода Плейеров, владевших здесь недвижимостью и…

— Послушай, если тебя что-то тревожит, может, стоит это обсудить? — взглянув на его задумчивый вид, прервалась она.

— Ну что ты… не отвлекайся. Я весь внимание.

— Я чем-то тебя задела?

— Отнюдь нет. Прошу, пожалуйста, продолжай.

— В чем дело? Я не продолжу, пока ты не объяснишься. Ну, я жду.

— Я… я думал… — он помолчал секунд десять, а потом выдал неправдивые слова, убедившие ее: — Какой восторг я испытываю от всего этого. Спасибо. Как все так совпало?! Да, именно так. Это поразительно. А еще… а еще ты…

— Ах, прости, что надавила. Это тебе спасибо. Я не так часто провожу так время, ха-ха.

— Фух, да уж. Ха.

Они рассмеялись и пошли дальше. Каких только трудов ему стоило выкрутиться и не выболтать лишнего! Он был даже готов признаться ей в чувствах (которых, к сожалению или к счастью, не испытывал). Он твердо решил на какое-то время не утомлять ее допросами о Мире (хотя и очень, очень хотелось разузнать всё), а просто провести время и насладиться хорошим вечером в ее компании.

— Так, на чем это я… ах да. Так вот, — взбодрившись, проговорила она, — как я уже сказала, раньше он носил название Плейерова (Pleierova) в честь богатого патрицианского рода Плейеров, владевших здесь недвижимостью. Долгое время проход официально не имел отдельного имени и назывался просто «За Каролином», и только в начале девятнадцатого века получил свое нынешнее название по известному историческому дому «У Белого камзика» (U Bílého kamzíka). Дом «У Белого камзика» — это здание с красивым классицистическим фасадом, давшее современное имя всей улочке. Также здесь находится Грзанский дворец (Hrzánský palác), и часть пути проходит через его живописный арочный проход. Вообще, несмотря на расположение в самом туристическом центре между шумной Целетной улицей и Староместской площадью, здесь почти не бывает толп, что делает улочку идеальной для спокойных исторических прогулок. Если ты любишь тишину и спокойствие, тогда тебе сюда. Ну… вот мы и на Мелантриховой улице. Это самая пешеходная и очень оживленная улица, соединяющая районы На Мюстку и Рыцарскую. Кстати говоря, это популярный туристический маршрут, усыпанный сувенирными лавками, кафе и кофейнями, магазинами традиционных товаров, булочными (например, Manufaktura) и палатками с трдельниками. Идем!

Полчаса они прогуливались по этой улице, разглядывая всё, что их окружало: архитектуру, магазины и их большое разнообразие товаров, старые здания и многое другое. Константин угостил Лину уличной выпечкой из той самой булочной, и только спустя какое-то время они отправились к Тыскому храму.

— О, о, смотри! — откусывая кусок выпечки и жуя, Лина с набитым ртом радостно указывала стаканчиком, который был у неё в левой руке, на храм Девы

Марии, вприпрыжку двигаясь бочком. — Ты видишь?

— О да! Трудно не заметить. Какая ты гиперактивная, я за тобой не поспеваю, — спеша, ответил он.

Константин чуть ли не бегом следовал за ней и на ходу тяжело глотал горячий кофе, запивая выпечку.

— Восемьдесят метров! Только вдумайся: настолько они возвышенны, что видны почти из любой точки центра города. И эти две башни-шпиля храма настолько несимметричны, что мощная южная башня символизирует мужское начало, а более изящная северная — женское, представляешь?

— Ого-о-о! Какое величие, — с выпученными глазами и открытым ртом произнёс он, протяжно и долго.

— И если присмотреться, то правая и левая части здания отличаются по форме.

— Да! Я заметил. И вправду отличаются.

— Взгляни сюда, — сказала Лина, когда они подошли к храму. — Если присмотреться, то главный вход украшен сложными барельефами на тему Страстей Христовых. Увидел?

— Э… это восхитительно. Просто нет слов.

— Что насчёт религии?

— Ч… что? В каком смысле?

— Ну, в прямом. Веришь ли?

— Ох, знаешь, когда-то я ходил в церковь, но со временем стал больше похож на агностика, так что… как-то… так себе. Наверное, я хочу верить. А что ты? Ты верующая?

Она улыбнулась и тихо ответила:

— Определенно.

Они бродили еще достаточно долго, рассматривая красивые виды центральной Праги, переходя с улицы на улицу. Лина так точно и понятно рассказывала ему все то, что знала сама, и даже больше. Константина сильно удивлял тот факт, что Лина, будучи «местной» и прожив в Праге уже достаточно долгое время, знала досконально любой пройденный ими уголок. Удивляться этому было бы

странно, но ее потрясенный вид казался таким, какой бывает у только что приехавшего туриста. Она восхищалась собственными рассказами об этих местах, получая удовольствие от того, что делится ими с ним.

Пройдя всю сердцевину Праги, они не сдвинулись ни на метр дальше центральной части города. Константин, вспомнив о главной цели своего визита, больше не решился утаивать вопрос и не мог его сдерживать, поэтому напрямую задал его ей:

— Послушай, Лина.

— Да.

— Ты сказала, что у тебя есть сестра. Мне ведь не послышалось, что ты назвала ее Мирой?

— Да, все так. И что? — приподняв левую бровь, она ответила встречным вопросом.

— Слушай, это тебе покажется полным бредом, но около полугода я был в Катманду.

— Ого, и впрямь удивительно.

— Да нет же… я хочу сказать, что я знаком с твоей сестрой. И более того, странность заключается в том, что…

— Что, правда?

— Да. Только выслушай, что я тебе сейчас скажу, прошу.

— Хорошо.

Она растянула слово «хорошо» и стала подозревать его в чем-то нехорошем, не зная контекста.

— Короче, я долгое время путешествовал по миру, покорял горные вершины, в общем, ходил в горы и помогал местным приютам. Однажды я находился в Катманду и там снял номер в одном хостеле, где и работала (как казалось) Мира.

— Что?..

— Да, все так. Она вроде как была администратором этого хостела, где я ее постоянно видел на ресепшене, когда куда-нибудь направлялся, выходя из него или входя обратно.

— Допустим, и в чем же тут странность?

— Она тебе ничего не говорила про работу администратором в отелях?

— Мы практически не общаемся, так что… как понимаешь, нет.

— Ладно, я понял. Странность вот в чем: однажды я возвращался в номер, ее я там не обнаружил, и мне сказали, что тут нет и никогда не было никакого работника по имени Мира. Понимаешь, что это могло значить?

— Ха! Интересно.

— Да, очень. На тот момент я уже был с ней знаком. Я точно помню, как с ней здоровался и разговаривал.

— Честно?.. Не совсем понимаю, но, проще говоря, ты слегка поехал, ха-ха-ха. Прости, но это не только интересно, но и смешно.

Она еще минуты три старалась прекратить смеяться, и было бесполезно что-либо донести до нее, а он с каменным лицом стоял и наблюдал за ней с чувством легкого раздражения и недопонимания, почему ей так весело.

— Ой, ну и умора, — вытирая слезы радости, она полусмеясь положила руку ему на плечо и сказала: — Ой, да ладно тебе, брось. С кем не бывает? У меня на прошлой неделе тоже произошло кое-что интересное. Только послушай!

— Валяй, — вяло ответив, он с силой натянул улыбку.

— Неделю тому назад, не помню день, кажется, это был вторник, я обслуживала клиента и, стоя напротив него, говорила по телефону с подругой. После чего клиент отошел в сторону (возможно, это его движение меня и отвлекло), чтобы не мешать остальным, а я попросила свою подругу повисеть на линии какое-то время и убрала телефон справа от себя на стол. Обернувшись минуту спустя, я обнаружила, что его там нет, хотя я точно помню, как его там оставила. А странность в том, что, когда я его искала, он лежал у меня в кармане, и… барабанная дробь… — она недолго потянула паузу, а потом сказала: — Момент, когда я оставила его на столе, я помню яснее некуда, но и то, что убрала его в карман, я помню тоже предельно четко.

— Хм… не смешно.

— Ох, ну что ты… бывает, расслабься. Думаешь, имя Мира — оно такое единственное во всем мире?

— Это я и сам знаю. Ответь мне лучше на вопрос: если она все-таки была, то как и куда она…

— Ай, ну тебя.

— Что? Я пытаюсь понять. Это постраннее твоей истории.

— Ну смотри: во-первых, да, это не такое уж распространенное имя; во-вторых, это могла быть чья-то злая шутка; ну а в-третьих, моя сестра никаким образом не могла работать администратором в отеле.

— Почему нет?

— Потому что ей всего-то двенадцать.

— Предположим, но все равно факт увиденного мною события так или иначе остается.

— Слушай, просто не думай об этом, ладно?

Он еще секунд сорок постоял, раздумывая, и снова начал вслух строить догадки, как вдруг Лина, как обычно, прервала его и перевела тему, пытаясь увести от этих воспоминаний, что ей и удалось. Он понимал, что навязчивость давних событий и мыслей лишь погрузила бы его в прошлое, что было бы весьма дурно, усугубляя его теперешнюю новую жизнь, наполненную хрупкими обязанностями и робкой надеждой на то, что прежние ошибки больше не имеют над ним власти.

С момента прогулки по окрестностям центра и обсуждения этой давней истории прошло более четырех часов. Они гуляли и сидели, ели и пили; она знакомила его со всем, чего касался взгляд, и только к десяти вечера их начала одолевать усталость.

Продолжая путь, она шла чуть впереди, то и дело оборачиваясь к Константину, когда он отставал, увлеченный всем интересным, что бросалось в глаза. Как только она отводила взгляд, он с большим удовольствием наблюдал за ней и ее движениями, разглядывая, будто изучал; он видел, как ее щеки горели румянцем, а глаза сияли неподдельным восторгом гида, влюбленного в свой маршрут.

Наконец поток улиц вывел их к реке. Впереди, разрезая предночной туман над Влтавой, вырос величественный силуэт Карлова моста. Подсветка окрашивала темный камень в золотистые тона, а фигуры святых казались ожившими стражами ушедших эпох.

Лина остановилась, остановился и он у самой мостовой башни, победно раскинув руки.

Недолго томя, Константин упомянул важную для сегодняшнего вечера деталь: он снимает квартиру на улице Пржкопе, неподалеку от того места в центре Старого города, где проводила экскурсию Лина, на что она удивленно отреагировала.

Навалившись локтями на массивные каменные перила, он резко и необычайно задумчиво заговорил:

— Знаешь, раньше я думал, что одиночество — это когда рядом никого нет, — спокойно и тихо начал он. — А потом понял, что оно бывает и в толпе. Человек, сидевший на лавочке в растрепанной одежде и без левой нижней конечности, проигрывал с каждым разом знакомый мне мотив на этой, как я заметил, расстроенной гитаре — таким был и он: расстроенный и проигравший в собственной одинокой жизни. И знаешь что? Его никто не замечал. Совсем никто. Я видел себя — только целым — когда проходил мимо него с тобой и всматривался в него, как всматривался он в меня, понимая это. И я уверен, что ему это когда-то тоже нравилось. Свобода, о которой говорят, мол, делай что вздумается, кажется настоящей, но это полное заблуждение. Раньше я взаправду искренне верил, что поймал эту волну жизни за хвост, но это далеко не так, и я ошибся.

Лина медленно обернулась и вернулась туда, где стоял Константин, и, оперевшись точно так же о перила, спросила:

— А потом?

— А потом, едва ты понимаешь, что твоя абсолютная свобода на самом-то деле никому и не была нужна. Ты возвращаешься в пустую квартиру, совершаешь глупые или великие поступки, а разделить это не с кем. Твоя радость не удваивается, а твоя печаль не делится пополам. И самое страшное — ты, и только ты позволил обстоятельствам себя в это загнать.

Лина подошла еще чуть ближе, так что они почти соприкоснулись, и медленно положила голову ему на плечо. Его пальцы правой руки держали тлеющую сигарету, от которой дым разлетался в разные стороны из-за непредсказуемого движения слабого ветерка, а левая рука легла на нее, заключая в крепкое объятие. Она вздохнула с грустью в улыбке, которую нельзя было скрыть, и произнесла только одно: «Понимаю».

Глава 14

Три с половиной года спустя. Прага.

Константин сидел на скамейке неподалёку от Карлова моста — на том самом месте, где когда-то, в первый их с Линой день, он с восторгом и лёгкой растерянностью смотрел на город, стараясь всё изучить и запомнить.

По Влтаве медленно скользил прогулочный катер, уносясь вдаль, словно унося с собой последние обрывки той прежней тревоги, что время от времени всплывали в его голове. Но даже при всём том, что было, Константин улыбался — тихо и почти незаметно.

Три с половиной года в Праге изменили его: небольшими рывками, день за днём, как меняется свет над городом с утра до вечера. Когда он только приехал, Прага казалась ему убежищем — местом, где можно спрятаться от себя. Одиночество тогда было тяжёлым, липким; оно заставляло опускать глаза при каждом случайном взгляде прохожего, искать укромные углы, избегать разговоров. Он думал, что если будет тише, незаметнее, то тревога утихнет, но она только росла. А теперь он сидел у самого оживлённого места в городе и чувствовал себя спокойно. Не потому, что перестал быть собой, а потому, что наконец-то перестал с собой бороться.

За эти годы он не «пережил» одиночество, но постепенно его перерастал. Оно не исчезло в один день, а понемногу отступало: в каждом новом слове, которое он решался сказать; в каждом человеке, с которым удавалось поговорить не из вежливости, а по-настоящему; в каждом городе, который учил его, что мир не враждебен — он просто большой, и в нём много разного.

Путешествия стали его способом узнавать и самого себя. За три с лишним года он объехал полмира: дышал разрежённым воздухом Катманду, терялся на шумных улицах Кесон-Сити, слушал тихие рассказы стариков в Телави, бродил по прохладным набережным Тбилиси, замерзал в снегах Оттавы, смотрел на бескрайние просторы Хелены в Монтане и чувствовал дыхание ветра в Патагонии. Каждая поездка оставляла в нём что-то своё: Катманду научил терпению, Патагония — видеть красоту в пустоте, Тбилиси — ценить тепло случайных встреч.

Были ли эти порой одинокие и пустынные дороги, казавшиеся ему вечным побегом, вовсе не путём в никуда? Может быть, и не было никогда того глубокого смысла, который он упорно пытался отыскать? И всё-таки, в конечном итоге, все эти маршруты привели его обратно в Прагу.

Иногда к нему заглядывала Лина, с которой они стали лучшими друзьями и с которой когда-то завязался тот самый первый разговор и случилась длинная

вечерняя прогулка по Праге, о которой она часто вспоминала. Лина приносила с собой пару круассанов (что случалось очень часто) из всё той же пекарни, где по сей день работала, а затем садилась на старый деревянный ящик, стоявший с самого его приезда у входа в прихожую, болтала ногами и рассказывала обо всём подряд: о погоде, книгах, планах на выходные, сумасшедших днях в кофейне и булочной, о новых гостях, которые всё время спорили. Константин смеялся, а Лина смотрела на него радушно.

В такие моменты Константин чувствовал, что всё, через что он прошёл, имело смысл.

Он не добился богатства или известности, но нашёл своё место — там, где мог быть полезен, где его присутствие что-то значило. И это было важнее любой славы.

Солнце медленно опускалось за крыши старого города, окрашивая камни Карлова моста в тёплый золотистый цвет. Катер, который он видел раньше, уже скрылся за поворотом реки, а на его месте появился другой, с огоньками и тихой джазовой музыкой. Константин поднялся со скамейки, потянулся, вдохнул прохладный вечерний воздух и улыбнулся. Впереди был ещё один обычный день — такой же, как и те, которые будут нужны всегда. Вопрос был лишь в том, будет ли он готов к нему?

Следующим утром он не смог встать с кровати. Его сковала постель, в которой он не мог даже шелохнуться. Вместе с параличом всего тела пришло головокружение: глядя в чистый белый потолок, залитый водоэмульсией, он наблюдал миллионы мелких разноцветных звёздочек, что кружили без остановки в его воспалённых глазах. От высокой температуры казалось, что они вот-вот расплавятся, не оставив и слезинки. Одеяло давило, воздух не лез в лёгкие, в висках стучало, жар был такой сильный, что казалось — он сгорает адским пламенем изнутри. Он был вынужден просто лежать.

— Чтоб меня… а ведь ещё вчера всё было нормально, — говорил он себе в нос гундосым голосом.

По ощущениям, жар усиливался, а перед глазами плыло. Он попытался потянуться за стаканом воды, что стоял на расстоянии вытянутой руки на тумбе справа от него. Когда он через силу приподнялся, морщась от дикой боли в пояснице, и повернулся в сторону к тумбе, то увидел лишь пустой прозрачный стакан. Он решил, что сумеет добраться до кухни, чтобы утолить жажду и заодно намочить полотенце для головы. Медленно встав с кровати, он потянулся за стаканом, но голова закружилась с еще большей силой, ноги не послушались,

и он, вскрикнув от боли, рухнул на пол в метре от своего ложа. Благо, палас смягчил падение, и он ничего не ушиб. Он потянулся к телефону, чтобы осведомить Лину, но пальцы не послушались, и телефон упал на пол, отлетев дальше, чем он мог дотянуться. С горем пополам он дополз до него, и только спустя полчаса в дверь постучали.

— Входите…

В комнату зашла Лина. Она сразу всё поняла: увидела, какой он бледный, как дрожат его руки, как он вцепился в одеяло, которое стащил с постели, будто оно его держит.

— Эй, эй, я тут, — произнесла она, подбежав к нему, — ну тише, тише.

Она помогла ему подняться, обернула его руку вокруг своей шеи и аккуратно уложила обратно. Потрогала лоб, нахмурилась, достала градусник, открыла окно на пару минут, чтобы впустить свежий воздух, а затем принесла воды и мокрое полотенце.

Очнувшись к полудню, он почувствовал, что стало чуть лучше. Температура немного спала, и он смог сесть, облокотившись на подушки. Увидев, что Лина сидит поодаль, в кресле слева, уткнувшись лицом в книгу, он заметил, как её глаза, а затем и голова приподнялись.

— Надеюсь, завтра буду в форме, — сказал он хриплым голосом. — Прости, что застал тебя не в лучшем виде, только доставил хлопот и побеспокоил.

— Ну что ты такое говоришь? — с сердитостью в глазах, не медля, сказала она. — Я думала, мы друзья!

— Спасибо большое, — вздохнув, поблагодарил он и опустил голову, устремив взгляд на свои руки, которые держал скрещенными. — Да, вероятно, это так.

— Вероятно?

— Н-нет, нет, без сомнений, это так, — смутившись и запинаясь, ответил он. — Определенно друзья, прости.

— Ты все правильно сделал. Можешь даже не думать…

— Я тебя отвлек?

— Совсем не отвлек.

— Хорошо. Не знаю, что бы я делал…

Они переглянулись, и Лина следом, не отводя глаз и понизив голос, медленно, на выдохе, сказала:

— Ладно… Мне нужно идти, извини. Я рада, что тебе уже немного лучше.

— Да, конечно, спасибо тебе.

— Я зайду завтра навестить тебя, ближе к обеду.

— Пожалуйста.

— Справишься один?

— Да.

— Дверь оставить…

— Да, можно, — перебил он, — я потом затворюсь.

— Как скажешь, тогда… до завтра?

— Да, пока.

— Выздоравливай.

Улыбнувшись, она оперлась руками о подлокотники кресла и медленно встала, оставив после себя женский древесный аромат, впитавшийся в место, где она сидела. Он тут же уловил его, чувствуя, как тот стал расходиться по комнате. Дверь захлопнулась, и, на удивление, ее голос и запах висели в комнате еще какое-то время, пронзая его обоняние; он словно продолжал слышать ее «я тут» и чувствовать. Не было так тихо, как раньше, и эта душевная радость говорила о том, чему действительно не было цены, — о возможности больше не чувствовать себя одиноким.

Глава 15

Следующим днем, когда Лина навестила Константина, зайдя на короткое время, она была убеждена, что ему стало гораздо лучше. Поговорив о его самочувствии и планах, они условились о встрече, когда он будет полностью здоров, и вскоре Лина ушла.

Константин наслаждался бездействием — редкой, почти забытой роскошью. После трёх с половиной лет непрерывной дороги тишина казалась почти оглушающей. Он лежал не шевелясь, присматриваясь к тому, как в комнате оседает дневной свет — обычный, ничем не примечательный. Грипп, сковавший

его буквально на сутки, оставил после себя лишь легкую слабость, отделившую одну часть его жизни от другой, в которой он так давно её не ощущал.

Ещё не выздоровев до конца, он всё же нашел в себе силы собраться на встречу с Лаурой, которая приехала и уже час была в Праге. Константин поддерживал с ней общение на протяжении всех трёх лет, как и обещал, когда подписал тот псевдодокумент.

Выйдя на улицу, он побрел ей навстречу, всё ещё с ощущением легкого жара, который периодически давал о себе знать. Его то бросало в дрожь, то обдавало горячей волной, и тогда он стискивал зубы, чтобы не застонать от этой изматывающей игры температуры. Спустя двадцать минут, медленным, шатающимся шагом, он кое-как добрался до вокзала Масарика, заставляя себя остановиться в ожидании «вечно опаздывающей» Лауры. Плюс ко всему, его состояние ухудшилось. Температура снова поднялась, а глаза заслезились (вероятно, нынешнее состояние могла вызвать переменчивая погода, резкая смена температуры или спазм сосудов). Но всё прекратилось так же быстро, как и началось, когда он нервно покусывал острым клыком фильтр сигареты и нащупывал в кармане смятую пачку, пытаясь выбить из себя волнение.

Константин прищурился, будто боялся, что видение растворится, если смотреть прямо, когда Лаура появилась из-за поворота. Он сразу её узнал — не по одежде, не по причёске, а по тому, как она шла (её походка была «блестящей»): чуть наклонив голову, будто пыталась спрятаться от ветра, которого не было. Она остановилась в паре шагов от него, и на её лице мелькнуло что-то такое, что он не смог сразу разобрать — то ли печаль, то ли радость, а может, и то и другое сразу.

— О боже, что это? Ты бороду отпустил? — спросила она, и в её голосе прозвучало столько всего, что у Константина внутри что-то сжалось, когда она увидела его с почти стлевшей сигаретой во рту.

— А, это… Д-да… да. Мне идёт? Привет! — произнёс он.

— Сколько лет, сколько зим, родной. Ох, так и не бросил курить!

Он машинально сунул руку в карман, будто хотел спрятать пачку, но потом передумал и только пожал плечами. В этом небрежном жесте сквозила какая-то усталая покорность — будто он сам давно смирился с тем, что не смог себя пересилить.

— Не вышло, — уныло ответил он, затушив окурок о землю, словно хотел стереть заодно и этот упрёк, и неловкость.

Лаура не стала продолжать. Вместо этого она вдруг шагнула ближе и, не спрашивая разрешения, обхватила его плечи руками — крепко, по-сестрински, будто проверяя, настоящий ли он. Константин на мгновение замер, чувствуя, как озноб отступает.

— Как ты изменился… — прошептала она ласково и тихо. — Какой ты стал… Совсем взрослый.

— Это не возраст, Лаура, — осторожно ответил он. — Это… дорога. Она вытягивает из тебя всё лишнее, а потом ещё немного сверху.

Прогуливаясь вдоль Староместской площади, они говорили обо всём: что поменялось в жизни, а что нет, как изменились они сами, какие остались привычки и т. п. Она рассказывала про кота, который озорничал и будил её по утрам, про работу, про родной город Тимишоару, в котором за это время почти ничего не изменилось, а он внимательно выслушивал каждое её слово и кивал, натянув улыбку до ушей.

Вдруг Лаура собралась с мыслями и заговорила после минутного молчания; в её голосе появилась лёгкая дрожь:

— Послушай, Ко…

— Ты ведь не просто так здесь, я прав? — быстро перебив её, он уверенно отвел взгляд и сказал: — Ты бы не приехала сюда только потому, что хочешь встречи.

Он сразу заметил неуверенность в её манерах и поведении, которую она так неуклюже старалась скрыть и которой так хотела поделиться, когда приближалась к нему от вокзала. Но его недомогание и сдержанность перевесили, и он не стал упоминать об этом раньше времени.

— Ч… что? Н-нет, я бы ни за ч…

— Рассказывай!

— Э… на каком бы ты краю света ни оказался, я приложу все усилия, чтобы добраться до тебя. Пусть даже мне это дорого бы обошлось.

— Да, не сомневаюсь, но сейчас не об этом… Я не про это…

Он ненадолго замолк, потянув время, а потом сказал:

— Всегда, слышишь, всегда приезжаю я. Мы договаривались!

— Ну прости, это срочно, слишком серьёзно. И да, ты прав: я не просто хотела тебя увидеть, но и…

— Лаура, дорогая моя, дорогой ты мой «друг», ты понимаешь, что не оставила мне выбора, кроме как стоять тут… Я… я и так чувствую себя не особо важно. А теперь и ты тут… Без предупреждения, — умоляюще говорил он, слегка покачивая её и потряхивая за худенькие плечики.

— Я тебя пре-ду-пре…

Она еле-еле выговорила слово по слогам из-за рук Константина, которые держали и покачивали её вперёд-назад, из стороны в сторону.

— Так, к сведению, это не так работает. Ну-с, шутки в сторону, так что там? Надеюсь, что-нибудь несерьёзное?!

Её тоненькие пальцы коснулись оправы очков, нервно поправляя их.

— Я правда хотела просто тебя увидеть. Честное слово. Но… они нашли меня. Те люди. Они спрашивали про тебя, — тихо сказала она, не поднимая на него своих карих и таких невинных глаз.

Константин замер. Даже озноб, который то и дело пробирал его насквозь, будто отступил на секунду, чтобы дать место чему-то более тяжёлому.

— Какие люди? — голос прозвучал ровнее, чем он ожидал, будто он нарочно старался не выдать, как внутри всё сжалось.

Лаура наконец подняла глаза. В них было столько тревоги, что ему захотелось жалостно обнять её, чтобы спрятать это выражение, сделать его неважным.

— Органы попечительства. Сначала они каким-то образом связались со мной — точно не знаю как, но предполагаю, что у них были все данные, которые известны им с самого начала, когда я оформляла опеку над тобой. С тех пор я не меняла контакты.

— И? И что потом?

— Потом они пришли ко мне домой. Не угрожали, ничего такого… Нет. Но спрашивали настойчиво: где ты мог находиться, когда в последний раз звонил или писал.

— Что ты им сказала?

— Я сказала, что не знаю. Почти не солгала: ты ведь редко предупреждал о своих планах.

— Хм… — хмыкнув, он наполнился раздражением и полным недопониманием. — Зачем им я?

— Чтобы кое-кого тебе представить.

— Что, действительно могут? — ухмыльнувшись, спросил он. — И кого это?

— Твоих кровных родственников — родителей, — собравшись и наполнившись твердостью, сказала она.

В секунду после слов Лауры внутри Константина всё остановилось, словно прекратились все жизненные процессы, кроме его изнуренного сердца, которое тоже было готово сдаться, отстукивая короткие и прерывистые удары. Потрясенный известием, что только что слетело с языка Лауры, он стоял раненый и полуживой, а следующее, очередное ее дополнение окончательно его убило.

— Внимательно выслушай, Кость. Я думаю, ты вправе знать. В общем… фух, — отдышавшись, она перевела дух и с грустью продолжила: — Единственная причина, по которой ты в детстве оказался в такой трудной жизненной ситуации, — это лишение твоих родных родительских прав из-за алкогольной зависимости.

— Ты… ты об этом знала? Ты знала их?

— Что? К… конечно нет, ты что? Они мне об этом сообщили только несколько дней назад. О, мне так жаль, прости.

— Почему они это утаили, раз знали?

— Я… я не знаю, Кость. О боже!

Минуту они стояли в полном молчании, и ее глаза быстро намокли, наполняясь горькими слезами.

— Когда я впервые тебя увидела, мое сердце разрывалось. Ты… ты словно ангелочек. Знал бы ты, что я тогда чувствовала, знал бы ты, каких трудов мне стоило взять тебя под свое крыло и защитить, знал бы ты, что именно я дала тебе то, чего ты заслуживал, как и любой другой ребенок.

— Ну что ты… спокойно, тише, тише. Всё хорошо, ты ни в чём не виновата.

Обнявшись, он легонько проводил рукой по её голове, нежно пропуская пальцы сквозь её русые волосы. Утирая мокрые глаза и с сочувствием улыбнувшись, она заговорила вновь, задавая ключевой вопрос:

— Ты помнишь себя трёхлетним?

— К чему вопрос?

— Помнишь ли, что до трёх лет ты жил в семье?

Он промолчал, наблюдая, как кружится в воздухе обрывок газеты, и размышляя, насколько он может быть свободным. После чего быстро перевёл свой уже не растерянный взгляд на Лауру, которая, в свою очередь, не отводила от него глаз, и спросил:

— А если я не захочу? Если мне не нужно это знакомство?

— Тебе страшно? Страшно их видеть?

— Пф, что? Брехня.

Последовал лживый ответ. Он попытался осторожно скрыть гримасу, но она выдала истинную эмоцию.

— Твоё полное право! Никто не заставит, слышишь? Решать только тебе.

— Тогда я скажу «нет», — произнёс он, будто проверяя, как звучат эти слова. — Сейчас точно не готов. Может, вообще никогда не буду готов.

Лаура кивнула, будто именно это и хотела услышать.

— Хорошо, — просто сказала она. — Если хочешь, я поговорю…

— Нет, нет, не нужно. Лучше расскажи мне какую-нибудь историю. Мою… нет, нашу историю.

Задумавшись, она слегка постукивала указательным пальцем по губам, пытаясь воскресить в памяти давнюю историю.

— Та-а-ак… Есть одна. Я уверена, что ты её должен хорошо помнить, — начала она, протяжно затянув своё «так», когда они подходили к Карлову мосту — в то же самое время, как когда-то прохаживались с Линой. — Ну, слушай…

Глава 16

— Останешься? — спросил Константин Лауру. — У меня есть раскладушка.

— Ха-ха! Очень смешно, — ответила она, ухмыляясь. — Правда, Кость, прости, но нужно назад.

— Почему так скоро? Что за срочность? Так бы я тебя кое с кем познакомил! С Ли… с Прагой.

Как только он оговорился, тут же быстро перевел разговор:

— Наизусть! Я Прагу знаю наизусть, за три-то года. Как свои пять пальцев левой или правой руки — неважно, без разницы какой, главное, что знаю, и…

— Стоп, ну-ка… с кем, с кем?

— С городом, говорю.

— А-а, а мне-то послышалось…

Он самую малость окрасился во всем лице, чего Лаура не могла не заметить. Она подозрительно посмотрела на него, прощаясь с улыбкой, и села в один из вагонов, который, как он запомнил, обозначался цифрой четыре.

— Что ж… не забывай, что твоя подпись все еще держится стойко на листе, Кость. Прощай, мой дорогой.

— Да-да, конечно, я помню. Я скоро…

— Что? Что говоришь? Я не слышу.

— Я говорю, скоро приеду навестить тебя! — выкрикивал он вслед этому невинному и милому личику, что таращилось из окна, пытаясь уловить его слова.

Он легким бегом начал свой марафон. Преодолев дистанцию в шестьдесят метров, он пытался изо всех сил махать ей вслед своей длинной рукой и донести мысли, но, увы, его старания были столь напрасны, что не были способны долго гнаться за катящимся поездом, который незаметно набирал скорость.

Вагоны плавно покатились прочь, и Константину только и оставалось, что стоять, тяжело дыша, на перроне и провожать взглядом эту стальную гусеницу.

Вокруг шумели и кричали люди, собравшиеся кучками по несколько человек, как и он, создававшие шум, подобный тому, что он прокричал несколькими минутами ранее. Кто-то торопливо шагал или же бежал, как и он, играя с этой железной змеей в догонялки. Ему вдруг стало очень тихо внутри, а слова Лауры всё ещё звенели в голове.

Собравшись, он глубоко вдохнул, будто сбрасывая тяжёлый груз, и пошёл прочь от вокзала. Но не успел он пройти и половины пути, как в левой ноге, прямо в икре, вдруг кольнуло так резко, будто кто-то воткнул тонкую иглу. Он остановился всего на секунду и, не придав этому большого значения, подумал: «Наверное, мышцу потянул, бывает». Он сделал ещё шаг — и боль вспыхнула снова, теперь уже не уколом, а тягучей и горячей волной. Нога сразу стала тяжёлой и онемелой, каждый шаг давался с трудом.

«Да ладно, ерунда, — пробормотал он себе под нос. — Просто устал. Ещё немного — и всё».

Он упрямо пошёл дальше, цепляясь взглядом за всё то, что так ловко бросалось в глаза, лишь бы не думать о боли. Но чем ближе он подходил к своей улице, тем сильнее становилось ощущение, что нога ему не принадлежит. Она будто жила своей жизнью: тяжёлая, непослушная, а каждый шаг отдавался чем-то острым и режущим, словно нога сама по себе пыталась с невыносимой болью ампутироваться.

Когда пройти оставалось совсем чуть-чуть, боль стала такой сильной, что он больше не мог идти. Он прислонился к стене, чтобы не упасть, и закрыл глаза. В груди что-то неприятно тянуло, дышать стало невыносимо трудно, как будто воздух вдруг стал густым и липким.

«Да что со мной такое? О ч… нет, нет, не сейчас, — подумал он. — Я почти… я почти».

В момент, когда он потянулся в случайный карман за ключами, не помня, куда их убрал, он приоткрыл глаза, но они перестали видеть, а ноги предательски отнимались и отказывались держать его. Он попытался сделать глубокий вдох, но воздух по-прежнему казался густым, будто он дышал сквозь ткань, обёрнутую вокруг лица. Он ещё крепче вцепился в шершавую стену, словно она была единственным, что удерживало его, и попытался продвинуться ещё на несколько шагов вперёд, которые стали непреодолимой дистанцией.

Он скосил глаза вниз в надежде сосредоточить расплывающийся взгляд и увидеть, что с ногой не так: может, он всё-таки потянул мышцу, может, наступил на что-то острое и не заметил? Но ничего не было: обычные поношенные ботинки, запылённые от долгих дорог, штанина, чуть задранная на лодыжке. Всё как всегда. Только вот «как всегда» больше не работало. И лишь через несколько минут он сумел позвать на помощь, открыть рот и выкрикнуть хоть что-нибудь, но вместо крика из горла вырвался только хриплый, слабый звук, похожий на сдавленный шёпот, и этого было вполне достаточно, чтобы

хоть кто-то его услышал.

Рядом раздался совершенно чужой и незнакомый ему голос — такой спокойный, что на секунду даже боль будто отступила.

— Эй, друг, тебе плохо?

Константин повернул голову. С трудом он смог разглядеть, что перед ним стоит пожилой мужчина в толстой куртке и с сумкой через плечо. Его лицо было морщинистым, но глаза — внимательными и добрыми. Он не кричал, не суетился, просто смотрел прямо и сразу понял, что тут не до суеты.

— Я… я не знаю, — прохрипел Константин и сам удивился, как странно звучит его голос, будто не его. — Нога… дышать тяжело…

Мужчина тут же подхватил его под руку — мягко, но уверенно, не давая упасть.

— Держись за меня. Сейчас всё будет в порядке. Я тут, я помогу.

Он пронёс его метров семь до ближайшей скамьи, усадил и что-то быстро пролепетал, чего Константин не мог разобрать.

— Надо скорую вызвать, — решительно сказал мужчина, оглядываясь по сторонам, будто искал, к кому бы обратиться. — Эй, кто-нибудь! Помогите! Человеку плохо!

Вдруг отозвались несколько человек: кто-то подбежал, кто-то достал телефон, кто-то накинул на плечи Константина куртку, хотя он и не чувствовал холода. Он краем уха слышал, как голоса сливались в один поток; в них не было равнодушия — в них была забота, и это держало его на плаву, не давало провалиться в темноту, которая уже подступала к краям сознания.

«Лаура… — мелькнуло у него в голове, когда он на секунду прикрыл глаза. — Прости, я не смогу скоро приехать. Прости…»

Скорая приехала быстро — или так только показалось, потому что время теперь текло иначе, растягиваясь и сжимаясь, как нестерпимая боль в ноге. Его аккуратно уложили на носилки, кто-то из врачей надел на палец пульсоксиметр, а кто-то спросил фамилию и дату рождения, и Константин отвечал, стараясь говорить чётко, будто от этого зависело что-то очень важное.

Константин всё ещё находился в сознании (что было не так-то просто), а перед глазами мелькали разноцветные точки. Ему вдруг стало страшно, потому что эта неизвестность не сулила ничего хорошего, и он совершенно не представлял, как

с этим справиться.

Глава 17

Короткие колёсики каталки пронзительно скрипели, терзая слух Константина. Они громко стучали по плиточному полу, перекатываясь с одной плитки на другую.

Он лежал на спине, с кислородной маской на лице, и смотрел на яркие лампы на потолке — они мелькали, словно светлячки. С каждым движением каталки огни проносились мимо, и при каждом моргании глаза невольно дёргались вверх и вниз. Всё происходило так стремительно, что Константин почти не понимал, что творится вокруг. Он лишь ощущал тяжёлую усталость и сонливость, а вместе с тем — странное, почти безмятежное умиротворение.

Его готовили, подписывали бумаги, оформляли документы, везли по бесконечным коридорам. И на один только миг Константину показалось, что всё наладится: сейчас врачи всё исправят, уберут тромб — и он снова будет ходить, снова сможет двигаться вперёд. Но судьба распорядилась по-своему. Прямо у дверей операционной ему резко стало хуже: давление рухнуло, дышать было почти невозможно, а сердце колотилось как сумасшедшее, будто изо всех сил старалось не сдаться, но сил уже не хватало. Врачи только покачали головами и развели руками: оперировать сейчас нельзя — это гарантированная потеря пациента.

Шансов на благополучный исход почти не оставалось — тихая, почти безнадёжная правда витала в воздухе больничного коридора. Даже самые опытные врачи, за плечами которых были десятки лет практики и сотни сложнейших операций, растерянно переглядывались и не знали, как поступить. Казалось, будто они впервые столкнулись с такой коварной, неумолимой проблемой: болезнь будто играла с ними, прячась в деталях и ускользая от привычных схем лечения. Сначала операцию отложили в надежде, что состояние Константина хоть немного стабилизируется, что организм соберёт остатки сил и даст врачам шанс вмешаться. Но время шло, а улучшения не наступало. Состояние Константина стало слишком нестабильным, хрупким, словно натянутая до предела струна. Организм уже не мог выдержать такую нагрузку — любое вмешательство грозило стать роковым.

Тяжёлые, гнетущие ощущения всё сильнее сжимали грудь, а вместе с ними в душу закрадывалась паника — холодная и колючая. К ней примешивалась горькая обида, едкая и неумолимая: теперь всё вокруг оказалось бессильным, никто не был способен помочь так, как помогал он, не дожидаясь просьб; не

жалея своего здоровья и времени (которого, как оказалось, теперь нет), помогая всем, чем только мог, спасая жизни хвостатых друзей, как помогал нуждающимся бродягам, сидевшим с протянутой рукой, отдавая лишнюю монету. И теперь особенно больно было осознавать, что он сам очутился в той самой точке, где никто не в силах протянуть руку. Эта беспомощность, эта внезапная перемена ролей терзала сильнее любой физической боли — словно судьба в насмешку показала ему его же доброту, отразив её в зеркале собственного бессилия.

Палата под номером сто четыре была такой тихой, что только мерное пощёлкивание приборов нарушало эту тишину, будто кто-то отсчитывал секунды. Состояние Константина ухудшалось; силы понемногу уходили, словно вода сквозь пальцы. Разум и мысли становились зыбкими и запутанными, цепляясь за случайные, незаметные детали: за едва уловимый скрип пружины в матрасе, за блик на стекле, за неровность шва на простыне. Они плавно балансировали на тонкой грани между явью и сном, и само сознание покидало его, лишая возможности мыслить о том, как он оказался тут, да ещё и в палате под тем же номером, под которым когда-то снимал номер в хостеле в Катманду.

Теперь же те же самые цифры звучали совсем иначе — как замкнувшийся круг, как горькая насмешка судьбы, которая привела его туда, где движение остановилось, где вместо горизонтов — четыре белые стены. Это совпадение терзало его, будто пыталось что-то сказать, но он не мог уловить смысл, теряясь в путанице собственных мыслей.

— Что со мной? Почему я… я не могу… При чём тут схожесть совпавших чисел? Неужто… неужто это конец? Если это так, то… — мелькало у него в голове, и фразы рассыпались, не успевая сложиться в законченную мысль, будто слова потеряли свою силу и теперь могли только бессвязно кружиться, не находя опоры, — то мне хоть посчастливилось… посчастливилось пожить.

Он горько улыбнулся и перевёл взгляд на окно. За стеклом завывал ветер, собираясь пролиться скорым дождём. Ломая ветки и раскачивая деревья, он заставлял листву оглушительно шуметь. Казалось, что эти листья вот-вот сорвутся и полетят вниз — прямо как его собственная жизнь, готовая разбиться в любую секунду.

Пути и большие расстояния, что были пройдены им — далёкие страны, высокие горы и бесконечные дороги, — сжались до размеров маленькой комнатки.

Тромбоэмболия — беспощадный диагноз, в котором описалась вся история его последних лет. Всё, что годами давило на него: тяжёлая работа, походы в горы,

постоянные поездки, стресс, переживания и горе — постепенно подтачивало здоровье. Он не замечал, как уходят силы: каждый раз заставлял себя идти вперёд, подниматься на вершину, справляться с трудностями. Эти нагрузки потихоньку накапливались, будто незаметные трещинки в камне, пока не привели к беде.

Болезнь пришла неожиданно, без всяких предупреждений — как внезапный ливень, когда ты просто идёшь по улице и думаешь о простых вещах. В тот день ничего особенного не происходило: Константин возвращался домой после встречи с Лаурой. Вокруг шумел город, дул лёгкий ветер, чувство небольшого недомогания, а в голове крутились обычные мысли. Казалось, в такой обычный вечер ничего плохого и случиться-то не может. Но всё, чего не ждёшь, приходит внезапно, без предупреждения. В какой-то момент привычный мир начал рушиться — тихо и незаметно, оставляя после себя только растерянность и вопрос, на который не было ответа.

Константин не был готов к тому, что преподнесла ему так сложившаяся жизнь, но она определенно раскрыла ему глаза и научила видеть: к трудностям, которые он неизменно принимал, к тому, как внезапно может оборваться привычный ход вещей, сколько бы дорог им ни было пройдено, сколько бы истин ни было постигнуто — он по-прежнему останется человеком. Человеком, который может смотреть глазами наблюдателя и складывать детали воедино, делая выводы лишь для самого себя, не стремясь превратить свои озарения в поучения для других. Он может терзаться страхами, не успеть сделать самое важное, забыть что-то бесконечно дорогое, оставить главное недосказанным, но никакой, вообще никакой, даже самый богатый опыт не будет способен уберечь от человеческих факторов и слабостей, которые проявляются у такого же человека, как и все.

В коридоре кто-то тихонько пробежал на цыпочках, которые не показались ему достаточно бесшумными. Следом доносились приглушённые женские голоса, и его стал выдёргивать из забытья этот тихий разговор медсестер где-то совсем рядом. Из-за приоткрытой двери Константин сумел разглядеть две изящные женские фигуры в халатах, что стояли спинами к нему чуть в стороне, склонив головы к чему-то; они шептали так, чтобы не потревожить больных, но в этом шёпоте всё равно послышалась какая-то особенная увлечённость, будто одной из них хотелось долго делиться чем-то важным.

— Ты слышала?… — обратилась одна медсестра к другой. — Слышала, кто у нас здесь?

— Нет! А кто? — вытаращившись, спросила другая.

Она стала показывать какую-то статью, которая была чуть ли не главной новостью дня, когда её крутили по новостным каналам. Статья зацепила её так, что она никак не могла её забыть. Ей было так невтерпёж рассказать об увиденном и услышанном, что вот теперь, в перерыве между делами, она делилась этим с коллегой.

— Смотри, смотри: «Благородство в действии: кто не может попросить о помощи, или масштабный след в фондах защиты четвероногих».

— Хмм… интересно. Как торжественно и громко, — сказала одна, бросив косой взгляд в его сторону. — Звучит как награда!

Константин чуть помолчал, будто подбирая нужные слова, а потом тихо, про себя вздохнув, выговорил:

— Только подумать… спустя столько лет?!

В статье, где и были написаны заголовки, было столько всего сразу, что на их лицах он разглядел и удивление, и лёгкую растерянность, и даже какую-то тихую гордость, будто кто-то из них лично знал этого человека или когда-то слышал о нём. А может, новость просто напомнила одной из тех, кто искоса подглядывал в приоткрытую дверь палаты, о чём-то своём, давнем, спрятанном где-то глубоко в памяти.

Константин не мог толком разобрать их лица из-за всё ещё помутневшего взгляда; он даже не видел, куда конкретно она тогда посмотрела, когда это сказала. Но по голосу он чувствовал: для неё эта история значила что-то большее. И от этого в и без того тихой палате стало ещё тише, будто всё живое на секунду затаило дыхание. А Константин лежал и прислушивался к этому шёпоту, к этим словам, и они почему-то цепляли его, будили в нём какие-то смутные воспоминания, которые никак не хотели складываться в чёткую картинку.

За всё долгое время, что он провёл в сознании, погружённый в размышления «что теперь будет дальше?», он отключился с единственной мыслью: «Я один».

Незадолго до того, как его доставили, врачи задействовали все возможные связи, чтобы разыскать его сестру. Известие, которое они до неё донесли, трудно было назвать деликатным: медики сознательно отказались от мягких формулировок и ложных надежд, предпочтя говорить предельно твёрдо, чтобы сразу подготовить её к худшему. Как только Лаура вернулась в Тимишоару, ей тотчас пришлось сорваться обратно, имея на руках лишь пугающее уведомление: «Ваш брат в пражской клинике». Представители больницы

объяснили, что состояние критическое и положительной динамики не наблюдается, однако медики сознательно заняли выжидательную позицию: они ждали малейшего улучшения показателей, чтобы не подвергать его жизнь дополнительному риску при вмешательстве.

Она была глубоко потрясена — и даже не столько самим известием о болезни брата, сколько очевидным, на её взгляд, бездействием врачей. Персонал клиники терпеливо пытался донести до неё все детали, аргументируя, «как и почему» складывается ситуация и по каким именно причинам любые активные действия сейчас представляют для него смертельную опасность.

В приёмном отделении пахло спиртом и страхом. Совершенно неизвестно как и непонятно от кого Лина узнала о случившемся, но она примчалась через двадцать минут — в расстёгнутой куртке, с мокрыми от дождя волосами. Она ничего не спрашивала, понимая лишь одно: перед ней, по всей вероятности, весьма важный для него человек, и этот человек — не кто иной, как его сестра. Всё стало понятно по лицу Лауры, когда та почти кричала, называя фамилию, номер палаты и требуя провести её немедленно. Очевидно, и Лаура догадалась, кто стоит рядом: та самая «Ли…», о которой вскользь упомянул Константин, — Лина.

Стремительно ворвавшись, они торопливыми, частыми шагами разносили гулкое эхо каблучков по лестничным пролётам, достигая нижних этажей. До Лауры всё ещё доносились слова, которые то исчезали, то проявлялись, обрушиваясь тяжёлой плитой. Лина, крепко сжав её локоть, словно боясь, что та сорвётся с места и побежит, сметая всё на своём пути, уверенно поспевала за ней.

Поднявшись на четвёртый этаж и дойдя до конца коридора, они заметили слегка приоткрытую дверь, приковывавшую к себе внимание. Не колеблясь ни секунды, они перешагнули порог и медленно вошли.

Константин лежал неподвижно, лицо его было бледным, почти прозрачным, а кислородная маска казалась нелепой, как будто её надели по ошибке.

Простояв у дверного проёма, Лаура двинулась к нему, а Лина осталась на месте, прижав ладонь ко рту, чтобы удержать рвущийся наружу вопль, готовый прорваться полным отчаяния вопросом: «Что произошло?», — не зная и не понимая точной причины.

Каждый шаг Лауры давался с усилием, словно земля под ногами превратилась в зыбкий песок — затягивающий, не пускающий к нему. Она не сводила глаз с его лица, надеясь уловить хоть малейшее движение: лёгкий взлёт ресниц, едва заметный трепет губ — что-то, что вернёт его обратно из этой пугающей

неподвижности. Но ничего не было. И только её ватные ноги сумели приблизиться вплотную. Она остановилась у изголовья и протянула свою худенькую дрожащую ручонку, но так и не смогла коснуться его: пальцы замерли в сантиметре от его лба, боясь подтвердить то, во что отказывалось верить сердце. Его лицо было спокойным и улыбающимся, и от этого становилось только страшнее. Затем, собрав всю свою волю, уверенность и мужество, что в ней были, она медленно опустила руку. Пальцы её дрогнули, и в этом движении было столько боли, что Лина почувствовала её почти физически, как удар в грудь. Лаура наклонилась, осторожно коснулась губами его руки; очки соскользнули с её нежного личика, и ей показалось, что рука его была непривычно тяжёлой и ледяной. И только тогда по её щеке медленно скатилась первая слезинка, за ней — вторая, третья, с тихими сдавленными всхлипами, которые перешли в беззвучное рыдание.

Лина наконец отняла руку от лица, и из груди её вырвался тот самый вопль, который она пыталась удержать, — протяжный, глухой стон, полный отчаяния и неверия. И вот она тронулась с места, тяжело ступая, не замечая своих движений. Споткнувшись о собственную ногу, она едва устояла. Лаура посмотрела на Лину, Лина — на неё. Вслед за этим обе они устремили полные скорби, мокрые от слёз глаза на Константина, но тот уже не дышал.